

Мари Князева

16+

Муж

ПОНАРОШКУ

Мари Князева

Муж понарошку

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67360065

SelfPub; 2022

Аннотация

"Надя на цыпочках приблизилась к его кровати, а потом ошалело бросилась к нему в объятия. Алексей очень осторожно, как будто растерянно, укрыл ее своим тонким одеялом. Надя же обвила его шею руками и уткнулась в нее носом. Вот это было счастье! Она и не знала, что можно получить столько удовольствия от чьих-то объятий. Надя отклонила голову и заглянула в блестящие в темноте глаза... Зажмурилась и поцеловала мужа в губы. Даже почувствовала слабый ответ его дрогнувших губ... но в следующее мгновение сильные большие руки схватили ее за плечи и оторвали от него. – Надя, ты что? – ахнул Алексей. – Что... ты делаешь?... – Я... люблю тебя..."

Тёплая, эмоциональная история о девушке, которую фиктивно выдали замуж за незнакомого человека, а она взяла да и влюбилась... безответно... на первый взгляд)

Содержание

Глава 1. Сюрприз для именинницы	4
Глава 2. Новая жизнь	14
Глава 3. Родители	25
Глава 4. Любовь к мужу	36
Глава 5. Двоюродная сестра	46
Глава 6. Сосед	55
Глава 7. На "Родниках Алтая"	66
Глава 8. Про эгоизм	74
Глава 9. Репетиция	81
Глава 10. Неожиданный поцелуй	89
Глава 11. Галины метания	96
Конец ознакомительного фрагмента.	100

Мари Князева

Муж понарошку

Глава 1. Сюрприз для именинницы

Надя ждала свой 21й день рождения с замиранием сердца. И вовсе не из-за дорогих подарков, которые дарил ей отец, а из-за того внимания, которым он окружал ее в этот день, радостной суеты, а еще – ей хотелось поскорее стать взрослой. Она мечтала, что сможет помогать папе в его делах, видеть его чаще и стать ему настоящим другом, когда вырастет. Вечно занятой, он мало времени проводил дома и всегда ходил с озабоченным выражением лица. А Наде хотелось хоть сколько-нибудь освободить его от забот, разгладить морщины на так недавно еще молодом лице.

Он был самым близким для нее человеком с тех пор, как три года назад умерла ее мама – попала в страшную автомобильную аварию. У них с папой и раньше были очень теплые отношения, но общая трагическая потеря сблизила их еще больше. У них были доверительные, полные любви отношения – по крайней мере, Наде так казалось. Сама она рассказывала папе обо всем – даже о том, какие мальчишки в классе оказывают ей внимание и кто владеет ее собственными мыслями. Отец тоже делился с ней своими радостями и пробле-

мами – правда, как оказалось, не всеми. Далеко не всеми.

Но пока, накануне своего двадцать первого дня рождения, Надя пребывала в блаженном неведении относительно грядущих на нее бед. Спокойно выбирала новое платье для праздника, составляла список гостей, "тонко намекала" папе, что хотела бы получить в подарок.

Так как многие его друзья и бывшие сослуживцы знали Надю с пеленок, он настаивал на том, чтобы каждый год приглашать их всех, вместе с семьями, на званый ужин в дом, а уж после – праздновать с подругами в кафе. И Надя подчинялась: она и сама любила и уважала многих из этих стариков. То есть, конечно, не все они были старыми, да и папа вполне еще бодр... Что такое 47? Это вовсе не старость. Но молодежи среди его друзей, конечно, не наблюдалось – это Надя знала хорошо. Тем удивительнее для нее было встретить меж прибывающих гостей незнакомого мужчину – на вид лет 30, с военной выправкой и суровым выражением лица, которое можно было бы назвать почти красивым, если бы не вот это самое выражение – то ли отстраненной холодности, то ли глубокой печали.

– Здравствуйте, Алексей Иванович! – радостно поприветствовал его отец. – Рад, сердечно рад, что вы не побрезговали моим приглашением и, так сказать, нашли время...

Гость склонил голову и ответил очень мягким, приятным голосом:

– Вы же знаете, Владимир Александрович, что ваше при-

глашение – честь для меня.

– И всё-таки благодарю вас. Познакомьтесь, пожалуйста, с виновницей торжества. Моя дочь, Надежда.

Надя почему-то залилась краской под пристальным, внимательным взглядом Алексея Ивановича. Его взгляд, так же как и голос, что-то переворачивал у нее внутри. Она не смогла бы точно описать свои ощущения или впечатление от знакомства с этим человеком, но он совершенно точно не был обычным. Впрочем, почти все папины друзья были людьми необыкновенными: однополчане, партнеры по бизнесу, товарищи – каждый из них непременно представлял собой неординарную личность, других в его окружении не водилось. Поэтому, вежливо поприветствовав Алексея Ивановича и выразив ему признательность за посещение своего праздника, Надя вернулась к обязанностям хозяйки и за весь вечер больше почти не вспоминала про загадочного мужчину.

Курсируя по гостиной, она еще пару раз замечала Алексея Ивановича – он всегда сидел или стоял отдельно от других, равнодушно (или задумчиво) осматривая комнату и находящихся в ней людей так, словно это были статуи или деревья. Однажды Надя все же подошла к нему, чувствуя себя обязанной развлечь гостя, подала ему бокал с белым вином и заботливо поинтересовалась:

– Надеюсь, вы не скучаете у нас, Алексей Иванович? Может быть, я могу предложить вам что-то? Папа в соседней комнате играет с друзьями в покер, а мы с еще тремя товари-

щами думаем о "Монополии". Не желаете присоединиться?

Он качнул головой и не взял у нее бокал с вином:

– Нет, спасибо, я не пью и не играю в азартные игры...

Но благодарю, мне отнюдь не скучно. У вас замечательный праздник.

Надя пожала плечами и почла себя на этом свободной от обязательств перед этим холодным, равнодушным человеком.

Однако отчего-то она вспоминала его на следующий день, сидя в кафе с подружками. Наверное, все дело в этом его взгляде. словно насквозь прожигает. И еще голос. Очень мягкий, очень проникновенный и в то же время холодно-отчужденный. Такое впечатление, что этот человек видел в своей жизни все, и его ничем нельзя удивить. Вызвать эмоции. Ледяной железный человек.

Надя очень сильно удивилась, увидев его на их с папой семейном ужине через несколько дней после праздника. Алексей Иванович был все в том же репертуаре: немногословен, спокоен, как слон, безэмоционален. Папа говорил намного больше, активно махал руками, рассуждая о политике и бизнесе, даже стучал кулаком по столу. По его поведению Надя поняла, что отец считает гостя "своим" человеком: перед чужими он всегда вел себя более отстраненно. Но откуда между ними дружба? Надя не только никогда не видела Алексея Ивановича до своего дня рождения, но даже не слыхала о нем от папы. И вдруг он появляется в их жизни и начинает

занимать там место чуть ли не на пьедестале – такая мысль пришла ей в голову, когда он снова посетил их еще через пару дней. Этого Надя молча снести не могла – едва проводив гостя за порог, приступила к отцу с расспросами:

– Пап, кто он такой? Твой партнер по бизнесу? Я думала, он военный... Но что вас связывает? Я не понимаю... Почему он так часто приходит к нам?

Во время этих визитов Надя иногда ловила на себе его долгий задумчивый взгляд – как только это происходило, Алексей Иванович сразу отводил глаза, но в этом не было стыдливости, как и ничего оскорбительного в самом взгляде. Он словно изучал ее – с беспристрастным интересом, как предмет искусства или затейливую техническую конструкцию. И молчал. Ни слова не обратил он к ней за эти три встречи по своей инициативе. Станный. Если испытывает к ней хоть какой-то интерес или простое любопытство, почему не спросит ничего? Загадка.

– Да, Надюш, ты очень даже вовремя со своим вопросом... Я сейчас тебе все объясню. Пойдем, это долгий разговор.

Почему-то у нее в груди похолодело от такой прелюдии. На ватных ногах Надя последовала за папой в гостиную и села там на диван. Немного подумав в молчании, он сказал:

– Я сейчас тебе кратко расскажу историю нашего с ним знакомства, но ты должна пообещать, что не станешь выспрашивать подробностей ни у меня, ни у Алексея и волно-

ваться по этому поводу. Дело прошлое...

– Пап... ты меня только пугаешь такими просьбами...

– Не бойся. В том-то моя просьба и состоит.

– Я постараюсь, но обещать не могу, пока не узнаю, в чем дело.

– Ох, эти упрямые девицы... Трудно отцу обещание дать...

Надя промолчала.

– Ну ладно. Как я сказал, дело прошлое... Однажды, еще на службе в вооружённых силах, я попал в одну, кхм, ситуацию... Не буду вдаваться в подробности – тебе они ни к чему. И Алексей Иванович меня очень... выручил, так сказать. В общем, подставил дружеское плечо, хотя друзьями мы с ним тогда не были. После того я пытался его как-то отблагодарить за эту помощь, понимаешь? Вознаградить... Потому как я добро не забываю, ты знаешь... Но он наотрез отказался. Вот просто наотрез, без всякого набивания себе цены. Я тогда был и раздосадован, и восхищен его благородством, но потом судьба развела нас... И недавно я его нашел. Потому что долг есть долг. Я узнал, что он уволился из армии, хотел его пристроить у себя, но он опять ни в какую. Хочет вернуться к родителям на Алтай, помогать. Они старые уже... ну и все такое.

Надя не понимала, к чему весь этот длинный рассказ, но слушала внимательно, не перебивая. Папа любит поговорить, но пустословием никогда не отличался. Он тяжело

вздохнул:

– Теперь самая сложная часть признания. Я, дочь... Мне... В общем, я должен уехать на некоторое время... далеко.

Холодок в надиной груди разлился ледяным озером.

– За границу? – дрожащим голосом спросила она.

– Да.

– Почему?

– Не нужно тебе это знать, родная, вот, правда.

Надя вздохнула:

– И куда именно мы поедем?

Папа покачал головой:

– Тебе не надо со мной. Я один.

– А я? – в горле сразу возник тяжёлый комок, который мешал говорить.

– Тебе нужно учиться, закончить институт... В общем, я не могу взять тебя с собой. Это... не совсем безопасно... для тебя.

Надя стиснула его руку так, что побелели костяшки на пальцах:

– Папа... папочка, как же так? Ты тоже... бросаешь меня?

Он смял ее в объятия.

– Нет, нет, милая моя, я... пытаюсь спасти тебя...

– Как? Оставив здесь одну?

– Нет, не одну. С ним.

Надя не сразу поняла, о ком он говорит. А когда поняла,

то пришла в ужас. С ним?! С абсолютно чужим человеком? С этим замороженным роботом? Это просто сумасшествие какое-то...

– Я с ним не останусь, – покачала она головой. – С кем угодно, только не с ним! Пап, у тебя ведь столько друзей...

– В том-то и дело, что ближний круг не подходит. Нужно тебя спрятать. Увезти. Он заберет тебя с собой на Алтай.

– Ты с ним уже договорился? Вы все решили? Без меня?!

– Это не вопрос выбора, Надюш! Это вынужденные меры! Ты должна понимать, что я действую в твоих интересах!

– Тогда расскажи мне все, иначе я и с места не сдвинусь! – слезы уже вовсю текли по ее щекам, но она и не думала их вытирать. Слишком много всего свалилось на нее, слишком быстро мир перевернулся с ног на голову.

Однако папе ее, похоже, было не жалко:

– И не подумаю! Я знаю, как лучше! Поэтому я решаю, что говорить и что делать и чего не говорить и чего не делать! Ты выйдешь за него и точка!

– Что? – у Нади даже голос пропал – так она обомлела. Может быть, ей послышалось?

– Ах да, совсем забыл: вам надо расписаться, я решил, что так будет лучше.

Наде казалось, что ее голова сейчас взорвется. Даже слез уже не было – только какая-то безумная усталость.

– Пап, скажи, что это все шутка. Пожалуйста.

– Нет, Надюш, я и сам бы хотел, чтобы так было. Но это

взаправду. Я сейчас все объясню, а ты просто выслушай. Алексей Иванович – очень хороший человек. Настоящий. Ему можно доверять. Эти выводы я сделал вовсе не из одной услуги, которую он мне оказал абсолютно бескорыстно, а из множества фактов. Я знаю о нем все, и лучшего человека не найти. И то, что он согласился мне помочь – невероятная удача, хотя и закономерно, учитывая благородство души... Так вот: он чужой, не из нашего круга, его никто не знает. Это важно. Не женат и согласен заключить с тобой фиктивный брак. Ты можешь развестись с ним, как только я вернусь, но до этого вам лучше состоять в официальных отношениях, чтобы ни у кого не возникало вопросов по поводу твоего положения. Уедете с ним далеко, почти на край света. Сменишь фамилию – это тоже очень кстати. Все так хорошо складывается, что о лучшем и мечтать нельзя.

Надя вовсе не была с ним согласна:

– Почему он не женат?

– Такое бывает. Не женился по молодости, а потом все по военным городкам – там с невестами туго.

– Пап, я не хочу уезжать с незнакомым человеком неизвестно куда... Мне страшно.

– Я знаю, Надюш, но ты должна довериться мне. Так нужно. Все будет хорошо. Ты совсем скоро станешь взрослой и сможешь сама решать, куда и с кем ехать, но я очень настаиваю, чтобы ты советовалась с ним, прежде чем принимать какие-либо судьбоносные решения.

– С ним? А с тобой я не могу советоваться?

– Пока нет.

– Но когда-нибудь ты ведь вернёшься!

– Конечно. Но вряд ли раньше, чем через год.

Это было слишком. Надя опять разревелась, папа долго утешал ее, поглаживая по голове, а потом отшел в спальню, совсем обессиленную, и уложил в кровать:

– Поспи. Тебе надо отдохнуть. Утро вечера мудренее.

Но утром Надя была все так же растеряна и обескуражена. Она поднялась с постели, как была, в платье и размазанном макияже, протопала в свою ванную, взглянула в зеркало на чумазое, опухшее от слез лицо.

– Красотка! В самый раз под венец!

Как и все девочки, Надя с детства мечтала о свадьбе. О белом пышном платье невесты, о красивой фате, о любящем и добром женихе... Конечно, ей не нужно изображать, будто она любит этого бесчувственного человека – и это хорошо – но ей хотелось выйти замуж по-настоящему и один раз.

Надя приняла душ, стерла косметику, а свежую не нанесла. Надела джинсы, футболку и самую затрапезную кофту, какую смогла у себя найти. Завязала волосы в хвост. Завтракать не стала. Села на диван в гостиной ждать папу.

Глава 2. Новая жизнь

Дикая выходила ситуация. Дикая и смешная. Нелепая. Алексей и сам не понимал, зачем он согласился на всю эту авантюру. Он ничего не должен полковнику Енисееву – наоборот, этот бывший военный и нынешний бизнесмен у него в долгу. Впрочем, об этом Родин никогда не думал и не собирался. Тот случай, когда он покрыл неблаговидный поступок старшего по званию, не был, по совести, таким уж светлым пятном на репутации Алексея, даже несмотря на то, что это была не столько услуга полковнику, сколько всему офицерскому составу части. Это была успешная попытка избежать скандала, трибунала, дискредитации авторитета высших чинов и прочих бед. Но если бы Родин, не дай бог, принял от Енисеева так называемую благодарность – вот тогда бы можно было считать, что он продал душу. Убил ее из табельного оружия, и рука его не дрогнула. Впрочем, такой соблазн никогда не стоял перед ним всерьез.

Но вот теперь эта девочка... Какого черта он вляпался в это дело? Зачем ему чужая дочь? Что за дань он отдает Енисееву и никак не может отдать? Не иначе, индусы правы и существует реинкарнация и кармические долги из прошлой жизни...

Надя очень хороша собой, очень юна, очень беззащитна – и что с того? Разве он обязан посвятить жизнь заботе обо

всех дочках зарвавшихся олигархов, которым нужно срочно залечь на дно? С какой стати? Но Енисеев очень точно все рассчитал: не зря ведь он провел столько лет жизни на руководящей должности в вооружённых силах. Стратег из него отличный, эта кампания была обречена на успех.

Енисеев перехватил Родина почти в прыжке – тот уже забрал купленную машину и собирался со дня на день стартовать к родителям на Алтай. Полковник в отставке завел свои прежние речи про благодарность, вознаграждение... Алексей терпел тот разговор только из вежливости. Енисеев вздыхал, посокрушался над его несговорчивостью, а потом огорошил:

– Ну хоть уважьте тогда, почтите посещением мой дом по случаю дня рождения дочери. Позвольте отплатить вам хотя бы гостеприимством.

На это Родин почему-то не смог ответить отказом. Не захотел быть грубым, а вежливой причины не придумал. Пришел – и потерялся. Эта девочка поразила его своей непосредственностью, своей чистой, открытой душой. Он наблюдал за ней и остальными гостями, и чем дольше находился там, тем яснее понимал: ей не место в этом осином гнезде. Но что он мог сделать? Это не могло не погрузить его в мрачную задумчивость...

Однако Енисеев быстро выложил ему все карты, призвав на встречу на следующий день. Он – Родин – действительно может кое-что для нее сделать. И даже нечто очень большое.

Он может спасти ее, ибо она нуждалась в спасении намного больше, чем он предполагал. И Алексей сразу понял, что отказаться спасти ее – точно такое же предательство собственной души, как и принять деньги у ее отца.

Если бы он не побывал на Надином дне рождения, то наверняка отказался бы, но теперь – он видел ее, он слышал ее, он хорошо понял, что она за человек. И как бросить невинное существо в такой ситуации? Возражение у него осталось только одно: она сама откажется с ним уехать.

– Да кто ее будет спрашивать? – отмахивался заботливый папаша. – Как говорится, мешок на голову – и...

– В наше время с мешком на голове не расписывают, – заметил Родин.

– Это зависит от того, сколько капусты в мешке, – возразил Енисеев.

Черт! Алексей прямо сейчас бы встал и ушел навсегда, хлопнув дверью, но Надя... как бросить ее... с ним? Уж он-то подыщет для нее "благодетеля", который за капусту еще и не на то согласится!

Енисеев неприятно рассмеялся:

– Нравитесь вы мне Алексей Иванович. У вас такое лицо сейчас... честное слово, в наше время это редкость! Да конечно, я шучу! Что я, фашист, что ли, какой? У нас с Надей полное взаимопонимание, я смогу ей все объяснить. Да и что такого ужасного я предлагаю? Это же фиктивный брак, с хорошим человеком, которому можно доверять!

Умеет, подлец, успокоить... Родин, конечно, предпочел бы удочерить Надю, а не жениться, ведь между ними 12 лет разницы. Что станут о ней думать и говорить односельчане – лучше и не представлять. Бедная девочка... Но Надя совершеннолетняя, поэтому единственный способ «узаконить» их отношения – пожениться.

Решили, что будущим молодоженам нужно хоть немного поближе познакомиться, для чего организовали еще два совместных ужина. Но Родина на каждом из них охватывало какое-то непреодолимое оцепенение. Он буквально не мог выдать из себя ни слова, будто попытка сблизиться с Надей – это нечто постыдное для него. Она поначалу старалась быть любезной, а потом махнула рукой на формальности и просто хранила равнодушное молчание на протяжении всего ужина. Однако ночью сразу после их последней встречи Енисеев прислал сообщение, что все улажено и завтра утром встречаемся у ЗАГСа.

Когда Алексей увидел свою невесту, ему уже в который раз захотелось сбежать. Пожалуй, в этот раз импульс был самым сильным. Она была так просто одета, умыта и причесана, что ее юность бросалась в глаза. Совсем ребенок, грустный и напуганный. Родин не имел своих детей, но если бы Надя была его дочерью, он ни за что не отослал бы ее в таком состоянии за тридевять земель с незнакомым человеком.

Но они с ее отцом уже все решили и обо всем договорились, и он не мог забрать свои слова назад. Поэтому даже во-

просительного взгляда не бросил на девушку. Поздоровался, подставил ей локоть, повел на регистрацию. Сразу после росписи разъехались в разные стороны – собираться. На завтра назначен отъезд. За это время должны успеть сделать Наде новый паспорт на его фамилию.

На Надю напала страшная апатия – она даже не могла начать складывать вещи. Бросила в чемодан мамину фотографию, легла на кровать и уставилась в потолок невидящим взглядом. Пришел папа, принялся утешать, уговаривать, укорять. Мол, ты такая-сякая, взрослая уже, должна понимать, в жизни все непросто... Мол, в твоём возрасте девушки уже живут отдельно от родителей – и ничего... Да она понимала, просто слишком быстро все произошло, Надя не успела морально подготовиться. И она совсем не знала, что ждёт её там, на далёком и загадочном Алтае. Папа сказал, там деревня... в горах. Надя представляла покосившиеся домики с колодцами. Огороды, куры, козы... Сельпо, где есть только хлеб, конфеты и консервы... Она совершенно не представляла себя в этом всем...

Папа прислал ей на помощь Марфу Илларионовну, их помощницу по хозяйству – крепкую и бодрую женщину 50ти лет. Она принялась выгружать многочисленные вешалки с одеждой из огромного шкафа и паковать их в бесчисленные чемоданы.

– Нет-нет! – возмутилась Надя. – Мне столько не надо!

Мы ведь не обозом едем, на машине! Один чемодан, только самое необходимое.

Она протопала ногами прямо по горам вещей, осмотрелась по-хозяйски. Взяла пару сарафанов, пару маек, пару шорт (всё-таки лето на носу!), потом так же немного осенней одежды – в основном, штаны и свитера, потом белье и носки. Все влезло в один чемодан, даже место осталось. Марфа притащила теплую куртку из гардероба, засунула для плотности. Развесила все оставшееся обратно в шкаф.

Надя опять упала на кровать и пролежала так весь оставшийся день. Есть не хотелось. Слышать кого-нибудь тоже – даже телефон отключила. Не желала объяснять подругам, почему уезжает так внезапно, придумывать, выкручиваться...

Муж приехал за ней рано утром. Она еще очень долго будет привыкать к своему новому статусу... Алексей – он настаивал на таком обращении к нему – потребовал, чтобы она поела перед дорогой. Надя нехотя проглотила тост с маслом, вареное яйцо, полчашки чаю. Марфа положила им с собой пакет пирожков и термос с шиповником.

Отец поцеловал ее на прощание в лоб, даже перекрестил – такого она за ним не помнила. Сказал:

– Ну, с Богом, – и подтолкнул ее к машине, где уже ждал муж и новая жизнь. Странная, непонятная, наставшая так внезапно...

Как Надя и ожидала, Родин почти все время молчал, от-

крывая рот только по делу. Ей, впрочем, тоже разговаривать не хотелось. За окном проносились пейзажи их необъятной родины, и этого ей первое время вполне хватало. А еще она с удивлением рассматривала свой новый паспорт, который они вместе с Алексеем забрали в Миграционной службе, прежде чем выехать из города. "Родина Надежда Владимировна", – значилось там, а на одной из последних страниц стоял штамп о браке.

– Забавная у меня теперь фамилия, – хмыкнула Надя. – Вроде как Отчизна.

Муж ничего не ответил, хотя глаза на нее скосил, значит, слышал. Да, знатная из них выйдет парочка... Малолетняя девчонка и немой бирюк (Наде все говорили, что она выглядит лет на 17-18 – не больше). Прямо как Герасим и та крепостная, что ему нравилась... Татьяна, кажется. Она тоже несколько не симпатизировала своему ухажеру. Вся разница в том, что Герасим был в нее влюблен, а у них с Алексеем взаимное равнодушие.

Честно говоря, Надя немного побаивалась своего новоиспечённого супруга – а что, если они не найдут общий язык? Тяжело им будет жить вместе целый год... Правда, насколько она поняла, там же будут и его родители – а в компании всегда легче. Неизвестно, конечно, что за люди, может быть, такие же мрачные и замкнутые, как их сын... Но Наде нужно было хоть на что-то надеяться, иначе сразу можно лечь да помереть.

Она решила, что надо хотя бы попытаться наладить контакт – и стала понемногу расспрашивать мужа о его малой родине:

– Расскажите, пожалуйста, как там люди живут?

– Я думаю, тебе лучше обращаться ко мне на ты, учитывая обстоятельства. Надо привыкать.

– Там все будут считать нас мужем и женой? Нам придется изображать супругов?

– Да, – почти гневно ответил Алексей. – Перед всеми, кроме родителей – им я сказал правду. Я бы не хотел этого, но твой отец не оставил мне выбора. Он решил, что это будет неприлично, если у меня дома станет жить молодая девушка, так как я холост.

– Почему же вы... ты согласился? Насколько я поняла, это он перед тобой в долгу, а не наоборот.

– Я не нашел аргументов против этого... в сущности, он прав, это бросает на тебя тень.

– Ты мог бы сказать, что у тебя есть невеста и ты собираешься жениться на ней в ближайшее время.

– Это неправда.

– Ну и что?

Алексей с минуту озадаченно молчал.

– Я не привык лгать без серьезной на то необходимости.

– А твоя свобода не является таковой?

– Пока нет.

Повисла неловкая пауза, но потом Алексей опять загово-

рил:

– Что именно ты хочешь узнать? – спросил он с усилием.

Надя подумала.

– Там, на Алтае, все живут натуральным хозяйством?

– Что ты имеешь в виду?

– Огород, домашние птицы, скотина...

– Огород есть у большинства, куры у многих, коров сейчас уже мало, но есть. А еще – мясное коневодство и овцы.

– Лошадей... выращивают на мясо? – изумленно переспросила Надя.

– Да. Тебе это кажется более жестоким, чем делать то же самое с быками и свиньями?

– Нет... Просто непривычно... Но я слышала, что лошади – очень особенные животные, чуткие и... дружат с людьми.

Алексей качнул головой:

– Не могу ничего сказать об этом: я никогда не дружил с конем.

Он, наверное, и с людьми никогда не дружил, – сумрачно подумала Надя. Он так скован холодом... Вот весело будет изображать его жену...

– А... как обстоят дела с... хм... цивилизацией? – спросила она. – Там есть магазины, удобства, интернет..?

Алексей усмехнулся:

– А ты думаешь, что там время замерло? Конечно, магазины есть, да и интернет имеется... Удобства, правда, не у всех – это зависит от желания и возможностей хозяев.

– А у тебя...

– У моих родителей есть летний водопровод. Я давно предлагал сделать нормальный, но они привыкли и всегда отказывались. Теперь, конечно, сделаем. Время есть, как раз лето...

Надя вздохнула с некоторым облегчением. Она никогда не жила в доме без удобств – по крайней мере, не помнила такого. Мама-то всякое рассказывала об их с папой молодости в удаленных военных частях. Может быть, это и не так уж страшно – ходить в досчатую сараюшку на другом конце огорода, но уж больно много всего непривычного на нее свалилось. А если нужно в туалет ночью, зимой?..

– Там холодные зимы? – тут же спросила она.

– Да, очень. Сибирь, всё-таки. И суточные колебания температуры большие: ночью в январе может быть -45, а днем -30.

–30, по меркам Нади, это было уже запредельно, но такой мороз она еще могла себе представить, а как ощущаются -45, не имела ни малейшего понятия.

– Разве может человек находиться на улице при таком морозе?

– Надо полагать, что может, раз люди там до сих пор не вымерли.

Издевается!

– Но как... я не понимаю... как можно выйти в -45 и еще... раздеться.

– Ты переживаешь за туалет? Я сделаю тебе теплый, не волнуйся. Я бы и раньше сделал, но никак не получалось надолго приехать, а теперь все. Бессрочный отпуск.

– Ты не будешь устраиваться на работу?

– Там видно будет, но в селе такой работы, как ты ее понимаешь, немного.

– Чем же люди занимаются?

– Ты сама сказала: натуральным хозяйством.

– Все растят лошадей на убой?!

– Кто-то дровами занимается, кто-то магазинчик держит, кто-то пчел... Хорошая пасека за сезон дает столько денег, что на год хватает.

– Дровами! Нужно печку топить!

– Ну конечно. Вообще-то, есть несколько многоквартирных домов с центральным отоплением, но в основном у всех обычные русские печи.

– А газ? – Надя знала, что их с папой дом отапливается газом.

– Газа нет. Мы очень далеко от цивилизации, в горах, туда тяжело тянуть газопровод.

Действительно, если у папы какие-то проблемы, то лучшего места, чтобы спрятать дочь, и не придумать. Ее везут в невероятную глушь!

Глава 3. Родители

Ехали они не торопясь, но и не теряя времени даром. Ночевали в мотелях, иногда останавливались в придорожных кафе поесть, но в основном старались питаться на ходу, продуктами, купленными по случаю в супермаркете. На исходе второго дня Надя поняла, что ее муж очень устал: шутка ли, провести 30 часов за рулем за два дня! И впереди, по его словам, еще целый день. Самый сложный. По горным перевалам и серпантинам. Наде очень хотелось чем-нибудь помочь Алексею, но, увы, водить машину она умела плохо. Она совсем перестала донимать его своими расспросами о жизни в алтайской деревне – чего уж там, на месте во всем разберется – и только сочувственно молчала и хмурилась, замечая у супруга все новые признаки усталости.

– Ты чего такая грустная? – спросил он, когда они остались наедине в номере для двоих в последнем за эту поездку мотеле.

– Нет, я не грустная... Просто мне немного не по себе от того, что ты... так устал, а я ничем не могу тебе помочь. Может быть, нам все же стоило поехать на поезде...

– Мне нужно было пригнать домой новую машину, так что я в любом случае поехал бы за рулем. Но ты совершенно зря беспокоишься об этом. Уставать – это нормально. Я приеду домой и как следует отдохну. И стану сильнее.

Такие мысли никогда не приходили к Наде в голову, хотя он очевидно прав. Есть ведь люди, которые так работают месяцами – просто их тело приспособлено к этому образу жизни. Она привыкла воспринимать усталость как нечто негативное, но на самом деле она является неотъемлемой частью любого пути к успеху, будь то карьера в спорте, науке или чем-либо другом... Тут, конечно, немного другое: Надя подспудно волнуется о том, чтобы усталость не повлияла на внимательность и аккуратность Алексея как водителя, но он ее заверил:

– Не переживай, я эту дорогу хорошо знаю и мне не впервой проводить столько времени за рулем. Все будет нормально.

После Горно-Алтайска начались горные пейзажи, и Надя завороченно разглядывала их в окно. Величественные картины поражали воображение.

– Нравится? – вдруг спросил Алексей. Кажется, это был первый его вопрос к ней, не вызванный никакой необходимостью.

– Да, очень! – искренне ответила Надя и одарила его широкой улыбкой.

– Красивые места, – согласился Родин.

Горная дорога, правда, оказалась не только более красивой, но и более тяжелой для преодоления. Обилие резких поворотов не позволяло набирать скорость, дело усугублялось полным отсутствием асфальта на некоторых участках, поэто-

му в какой-то момент Надя поняла, что она и сама бесконечно устала от этого путешествия. И что некоторые неудобства жизни невозможно сгладить ее визуальной красотой.

Но вот, наконец, они въехали в населенный пункт с белой табличкой "Усть-Кокса", и Надя вздохнула свободнее. Оставалось совсем немного. К тому же, она наконец видит место, где проживет, как минимум, ближайший год – и это было увлекательно. К сожалению, уже смеркалось и трудно хорошенько все рассмотреть, но Надя прилипла к окну, впитывая детали пейзажа жадным взглядом.

Домики были разномастные: покосившиеся избышки из черных бревен, какие она представляла себе, еще находясь дома, и вполне приличные добротные строения, обшитые вагонкой или даже сайдингом. Кирпичные дома встречались редко.

Они свернули с главной улицы, покрытой асфальтом, на проселок и углубились в село. Через пару минут Алексей остановил машину у широких деревянных ворот, свежескрашенных в зелёный цвет. Надя вышла на улицу, осторожно вдохнула очень свежий, влажный, по-весеннему прохладный воздух. Откуда-то тянуло сыростью, пахло молодой травой и цветами. За забором светился всеми окнами небольшой одноэтажный бревенчатый дом. Алексей поставил машину на сигнализацию, взял Надю за руку и через калитку с какой-то хитрой ручкой провел ее во двор, а затем через холодные сени в дом.

– Маам! – позвал он с порога.

Надя топталась возле него, не зная, что делать. Руки и ноги ее ужасно задеревенели, все тело ломило от долгой неподвижности. Буквально через несколько секунд в прихожую вошла пожилая женщина обычной для ее возраста комплекции и с очень добрым лицом. Зинаида Павловна.

– Алёша..! – воскликнула она слегка надтреснутым голосом и кинулась целовать сына. – Слав те, Осподи, а мы уж ждем-ждем...

Торопливо отдав долг своей материнской любви, она повернулась к Наде и взяла ее за деревянные ладошки:

– Девочка моя, ох, что за чудо! Алёша! Ну ты ведь уморил ее совсем, надо было девочку самолетом отправить...

– Велено было сопровождать неотступно, – ответил он неохотно. – Ну, вы тут разбирайтесь, а я машину загоню. – И ушел.

Надя разулась, протопала вслед за бабушкой в просторную гостиную, совмещенную с кухней. Тут была огромная побеленная печь, обеденный стол с лавками, разнообразные шкафчики, диван. На нем сидел такой же пожилой, как и ее свекровь, мужчина. Отец Алексея, Иван Леонидович. У него тоже было доброе морщинистое лицо. Седая шевелюра и круглый живот, нависающий над темно-синими домашними трико.

– Как доехали? – поинтересовался он, с интересом разглядывая невестку.

– Не лезь к девочке, Вань! – одернула его бабушка. – Она устала с дороги. На-ко, – протянула она Наде кружку с пахучим молоком. – Попей, голодная, поди.

Та покачала головой:

– Спасибо, но я пока не хочу. Меня немного укачало в дороге, надо сначала прийти в себя...

– Какая, однако, ты красавица! – простодушно восхитился дед.

Надя покраснела.

– Вань, ну что ты гостью смущаешь! – возмутилась Зинаида Павловна. – Вы, Наденька, не обращайтесь на него внимания, у него, что в голове, то и на языке.

– А что я плохого сказал?! – удивился дед.

Бабушка махнула на него рукой и сказала:

– Пойдем, Надюша, я тебе твою комнату покажу. Отдохнешь, полежишь – легче станет. Оно, конечно, по нашим дорогам тяжело ездить с непривычки...

– А вы часто в город выбираетесь? – поинтересовалась Надя, следуя за бабушкой через крошечный коридор в дальнюю комнату.

– Я-то? Да уж, почитай, лет пять не была, а может, и больше. Чего я там забыла, в городе-то этом, чтоб в такую даль мотаться..?

– Тут у вас все есть для жизни?

– Кой-чего не хватает, но основное все есть. Старик-то мой, бывает, ездит. Для хозяйства чего прикупить, к приме-

ру, а у меня охоты нет.

Комната была небольшая, но уютная. Кровать, шкаф, да же письменный стол – все есть. Смешные древние занавесочки на окне.

– Я здесь одна буду жить? – спросила Надя.

– А то с кем же? Алёша сказал, тебе отдельное помещение требуется. Чтобы ты спокойно заниматься могла, читать и все такое. Ты, Наденька, нас не стесняйся, Алёша нам все объяснил... будешь нам дочечкой любимой. Я всегда дочку хотела, да не сподобил Бог...

– Спасибо. Мне очень нравится комната. Большое спасибо.

Старушка погладила Надю по спине.

– Ну, отдыхай. Если нужно чего, не стесняйся, спрашивай.

Бабушка ушла, а Надя легла на кровать прямо в одежде. Голова гудела, хотелось поскорее уснуть. Но через несколько минут в дверь постучали. Надя села.

– Войдите!

Это оказался Алексей, с ее чемоданом.

– Как ты? – спросил он, поместив вещи в угол комнаты. – Все хорошо?

– Да. Только устала немного.

– Отдыхай. Завтра будем разбираться. Я... тут по соседству, за стенкой. Если что, стучи.

Ушел. Надя достала из чемодана пижаму, переделалась, снова легла. Все оказалось лучше, чем она ожидала. Очень

душевные люди. И дед такой забавный. Все относятся к ней с теплом и интересом. Теперь можно не только надеяться, но и верить, что все будет хорошо. На этой успокаивающей мысли она крепко уснула.

Надю разбудил запах жарящихся блинов. Она сладко потянулась на постели, вылезла из-под одеяла, подошла к окну. Солнце уже светило вовсю, природа ликовала, деревья шелестели свежей зеленью, птицы звонко пели. К сожалению, во всем окне открывалась только крошечная форточка, но Надя подтащила стул, высунула нос наружу, вдохнула теплый чистый воздух – и опьянела. Воздух здесь и в самом деле был особенный, муж говорил ей по дороге об этом. Горный, целебный, живительный. А еще вода. Можно пить прямо из реки – она очень чистая и вкусная. Но Надя еще не пробовала – пожалуй, теперь самое время. Она немножко покрутилась, делая легкую зарядку, потом накинула кофточку с длинным рукавом, оглядела себя в старинное овальное зеркало – вроде, приличный вид – и вышла в гостиную.

Зинаида Павловна стояла у плиты, больше в комнате никого не было.

– Доброе утро! – прошебетала Надя.

Старушка быстро повернулась, лицо ее осветила добрая улыбка:

– Наденька! Как ты рано! А мужчины в огороде, скоро завтракать будем. Давай, умывайся и садись за стол.

Надя сначала отправилась искать нужник. Нацепила кеды

в прихожей, вышла во двор. Сразу увидела мужчин: крепкую фигуру Алексея и пузатую – Ивана Леонидовича. Надин муж был в одних штанах, подставив ласковому майскому солнышку обнаженную грудь. Надя только мельком скользнула глазами по торсу своего супруга – и сразу отвела их, чувствуя, как щеки заливает горячее смущение. Она никогда еще не видела такого красивого мужского тела вживую. То есть, видела, конечно, на пляже, когда они с папой отдыхали на курортах, но то чужие люди, а тут – совсем другое дело... Алексей, видимо, тоже смутился от ее взгляда – схватил висевшую рядом на заборе майку и поспешно натянул ее на себя.

На обратном пути Надя уже никого не увидела – мужчины вошли в дом. За столом царило оживление: все разговаривали, обсуждая план работ на лето, Зинаида Павловна подавала завтрак, заодно командуя, что и кому кушать. Надя хотела ей помочь, но была отправлена пока на скамейку запасных с обещанием привлечь ее к приготовлению и подаче обеда.

Планы у Родина были обширные: сделать теплый санузел, облагородить мансарду, чтобы там можно было жить круглый год (сейчас туда переселились родители, но весенними ночами там было не слишком уютно). Надя пришла в ужас от мысли о том, что она внесла столько проблем в жизнь этой семьи своим приездом. Ее, конечно, бросились уверять в обратном:

– Это все давно ждет хозяйской руки! – заявила Зинаида

Павловна. – Наконец-то Алёша уволился, теперь сможет жениться, место ему понадобится...

Надя и ее муж синхронно залились краской.

– Мам, ты опять за свое... – буркнул он.

– А что? Сколько можно бобылем-то ходить? Я внуков жду-жду... Чай, не мальчик уже...

– Я про то, что ты своими разговорами смущаешь Надю.

После завтрака она поймала своего супруга за руку и попросила поговорить с ней наедине. Уже в своей комнате долго мялась и робела, но все же вымолвила:

– Как вы... Почему вы согласились на это?

– Надя, мы ведь договаривались на ты... И на что я согласился?

– На брак со мной. Если у вас... тебя такая ситуация...

– Зачем ты спрашиваешь? Это не твое дело. Согласился, значит, были причины.

Причины! Наверное, отец заплатил ему! Неужели он продал свою свободу за деньги?! Свое будущее, будущее своих родителей и детей.

– Как ты мог? Твои родители – они страдают, переживают за тебя, а ты...

– А что я? И почему тебя так волнуют страдания моих родителей?

– Что за издевательский вопрос?! Это твои родные люди, и мои теперь тоже, и они... надеются на тебя...

– Я не понимаю, чем ты недовольна! Я сделал это ради

тебя!

– Меня? С какой стати? Ты меня совсем не знаешь!

– Как и ты моих родителей! И все же их надежды и чаяния волнуют тебя больше твоей собственной судьбы!

Это был какой-то фантастически нелепый диалог. Надя с мужем обвиняли друг друга в излишнем благородстве души. Помолчав немного, она попросила:

– Скажи, папа заплатил тебе за это? Только честно, это очень важно для меня!

– Нет. Я согласился, потому что не мог поступить иначе. Он все равно дал мне денег, но они только для тебя.

– Прости, но я все же не могу понять... – пробормотала Надя.

– Что тут непонятного? Все просто: ты ни в чем не повинна, но находишься в опасности.

– В какой?

– Я не могу тебе сказать. Сам точно не знаю, твой отец не вдавался в подробности.

– Но ведь ты не обязан спасать каждую невинную девушку, которая находится в опасности...

– Почему ты так думаешь? Для чего же тогда нужна сила, если не чтобы защищать слабых?

– Просто это неправдоподобно. Ты неправдоподобный... Но я благодарна тебе. И надеюсь, что все же не стану причиной разочарования твоих родителей. И тебя самого. Тебе нужна семья. Жена, дети... Ведь через год мы разведемся, я

уюду, и ты сможешь жениться...

– Там видно будет, – пробормотал Алексей и ушел.

Он странный. Очень. Угрюмый, необщительный, но если только это правда и он спасает ее безвозмездно, просто из чувства долга ко всем беспомощным существам – это необыкновенный человек. Надя еще таких не встречала.

Глава 4. Любовь к мужу

С учебной работой вопрос был решен до октября. Надю перевели на заочное в Новосибирск на точно такую же специальность – журналист, поэтому первые несколько недель она потратила на то, чтобы перенять у Зинаиды Павловны премудрости ведения хозяйства. Надя училась доить козу, кормить кур, полоть грядки, делать творог – и много чего еще. Оказалось, что в деревенской жизни некогда скучать, а редкие минуты отдыха после длительного физического труда могут доставлять столько удовольствия, что никаким городским увеселениям и не снилось. Просто посидеть на лавке или завалянке, глядя, как закатное солнце медленно прячется за Катунский хребет, умыться вспотевшее лицо ледяной водой, глотнуть ее, обжигающую своим холодом все внутри... Свекор Иван Леонидович любил делить с ней эти минуты досуга, часто рассказывал что-нибудь забавное про соседей или их животных.

– Коней не пасут, – говорил он, – коней ищут. Пасутся они сами, но им запросто может что-нибудь взбрести в голову, и они просто уходят невесть куда.

– Как же это? – удивлялась Надя. – А если кто-то уведет?!

– Кто? И куда? – насмешливо спрашивал дед и беспечно махал рукой: – Ты привыкла там у себя в большом городе, что вокруг миллионы незнакомых людей, а тут все друг друга знают. Конокрадство здесь – пустая затея. Но обычно же-

ребец сам пасет свой гарем, а иногда он может не принять новую кобылу или приревновать ее к другому жеребцу, который ее оприходовал. И выгнать вместе с приплодом.

Надя заливалась краской от таких рассказов, а деду, кажется, нравилось ее смущать. Он по-доброму посмеивался над ее скромностью, наивностью, неопытностью в деревенской жизни.

Алексей держал дистанцию. Надя могла в любой момент обратиться к нему с вопросом или просьбой, и он с готовностью отвечал или давал ей то, что нужно, но сам почти никогда не обращался к жене. Она с удивлением смотрела на этого сильного и взрослого мужчину, который юридически являлся ее супругом, но на деле лишь исполнял обязанности опекуна. Спокойно и отстраненно.

Больше всего Надя общалась с Зинаидой Павловной. О, что это была за женщина! Сама любовь, сама доброта – она окружила Надю такой заботой, какой она не видела ни от кого в жизни, кроме матери, и это питало ее юное сердце, измученное разлукой с родными. Надя совсем перестала обижаться на отца, который отослал ее к чужим людям и ни разу не позвонил. Алексей намекнул ей тогда, что у папы серьезные проблемы – настолько серьезные, что даже рассказать о них нельзя. А значит, она не имеет права обижаться, тем более, что люди, которые теперь ее окружали, очень быстро стали ей родными.

Надя сама настаивала на том, чтобы вникнуть во все тон-

кости ведения хозяйства: праздность была ей чужда. Дома она регулярно посещала музыкальную школу, репетитора по иностранным языкам, ходила на фитнес. Так как здесь все это было недоступно, она переключилась на развитие других навыков – и это тоже было интересно и увлекательно. Но вот что ее удивляло: свекровь без устали твердила о том, какой прекрасный и добрый человек ее сын. Конечно, в том, что она души в нем не чаёт, не было ничего странного, но она рассказывала такие вещи, которые не вязались в Надином сознании с тем образом мужчины, что она себе нарисовала: нелюдимый, замкнутый молчун. По словам Зинаиды Павловны, он и дружелюбен, и участлив, и добр до самоотверженности. Иван Леонидович относился к сыну с большим уважением и советовался с ним во всем. При такой манере отца – почти раболепной – вполне можно было ожидать, что Алексей станет разговаривать с ним свысока, подобно Базарову из романа Тургенева "Отцы и дети", но на деле – ничуть не бывало! Некоторая снисходительность при общении с родителем в его голосе чувствовалась, но не насмешливая, не скучливая, не отчужденная.

Алексей, конечно, отнюдь не отличался болтливостью, даже и в семейном кругу, но порой рассказывал разные интересные истории из жизни или книг. Оказалось, что он любит читать и делает это регулярно. Классика, современная проза, нон-фикшн – все увлекало живой ум Надиного мужа. Она и сама заслушивалась его рассказами, постоянно отме-

чая про себя, как он тонко все замечает и понимает. И голос. Его чудесный бархатный голос, проникающий прямо в юную неопытную душу.

Примерно через месяц такой жизни Надя внезапно осознала, что привязалась к своей новой семье, а особенно к ее главе – Алексею. Что ей всегда хочется увидеть и услышать его. Что она успеваешь соскучиться по нему за те несколько часов, что они проводят в разных уголках дома или участка. Надя ждала приемов пищи, как праздника, ловила спокойный внимательный взгляд мужа, а когда получалось поймать – вдруг заливалась краской. Она сама не понимала, что это с нею делается, но до определенного момента была уверена, что испытывает к нему совершенно дружеские, может быть, где-то дочерние чувства: интерес, уважение, благодарность.

А однажды – это было в конце июня – Зинаида Павловна отправила Надю с литровой банкой молока на чердак, где мужчины делали ремонт. Она отправилась туда без малейшей задней мысли, но даже не успев до конца подняться по лестнице – только голова ее высунулась над полом мансарды – замерла ошеломленная. Алексей был на чердаке один: его отец куда-то подевался. Молодой мужчина стоял на стремянке в одних шортах и что-то приколачивал к стене. Его мощное мускулистое загорелое тело блестело от пота – и именно это зрелище привело Надю в полнейшее замешательство. Она не могла оторвать глаз от напряженных мышц спины, от перекачивающихся под кожей мускулов сильных рук. Все

это богатство вздрагивало при каждом ударе молотка и отдавалось какими-то странными спазмами в Надиной груди и животе. Ее муж был прекрасен, как древнегреческий бог – по крайней мере, именно так она представляла Зевса или Посейдона, только бороды не хватало для полноты картины. Впрочем, отросшая за несколько дней щетина вполне успешно ее замещала.

Внезапно Алексей, будто почувствовав ее присутствие, перестал стучать, обернулся – и застал свою юную супругу за подглядыванием. Наде показалось, что у нее даже волосы покраснели. Она, конечно, попыталась изобразить, будто шла к нему, не останавливаясь, но чувствовала себя при этом просто неуклюжим мешком – даже споткнулась в самом конце пути и чуть не уронила банку с молоком. Уронила бы, если бы Алексей ее не подхватил. За талию. Наде в нос ударил запах его пота. Никогда ей не нравились подобные ароматы, но тут – это было нечто другое, не противное, не отталкивающее. Горьковато-пьянящее. До чего же странно она себя чувствовала! Он отпустил ее талию сразу же, как только Надя твердо встала на ноги, но кожа на боках еще долго горела от его прикосновений, даже через ткань платья.

– Вот, – пробормотала она, не смея посмотреть мужу в глаза. – Зинаида Павловна тебе прислала.

Алексей молча взял у нее банку и сделал несколько больших глотков. Пока лицо его было скрыто, Надя осмелилась поднять глаза. Белая капелька скользнула по подбород-

ку мужчины и упала на влажную от пота грудь. Надя судорожно сглотнула, мысленно стараясь заглушить в себе желание дотронуться. До этой груди. Она наконец осознала, что хочет, чтобы он ее обнял. Она не знала, что дальше, но очень хотела прикосновений. Это стыдно, это... недостойно. Наверное. Но желание было жгучим, невыносимым, отдавало болью в солнечное сплетение.

– Ты иди, – мягко сказал Алексей, так что Надя вздрогнула.

Опять он поймал ее на подглядывании! Точнее, это было уже не подглядывание, а настоящий осмотр. С пристрастием и зависанием. Надю снова окатила удушливая волна смущения. Но Алексей продолжал говорить, как ни в чем не бывало:

– Отец ушел в туалет, сейчас вернется, допьет – и банку вам принесем.

– Да, хорошо, – пробормотала Надя и поспешно убежала с чердака.

Той ночью она долго лежала в постели без сна, думая без конца об одном: ей хочется, чтобы ее муж смотрел на нее как на женщину, чтобы прикасался к ней, а он ее не замечает. Наверное, это правильно, а ее желания – неправильные, неприличные, но как перестать их хотеть, Надя не знала.

Ей было чуждо притворство, хитрость и какой-либо расчет, но под влиянием всех этих мыслей и чувств она начала меняться – произвольно и почти незаметно для самой се-

бя. Позвонила домой Марфе и попросила прислать побольше летних вещей. Из тех, что были в ее распоряжении прямо сейчас, перестала надевать откровенно детские – сарафаны с рюшечками, майки с дурацкими принтами. Даже нижнее белье с рисунками забросила в дальний угол, хотя оно было недоступно глазу ее супруга. Зато стала иногда надевать купальник, выходя в огород – как будто чтобы загореть, а Алексей только по-отечески бросал:

– Долго на солнце не сиди – обгоришь.

Надя готова была расплакаться от обиды и бессилия. Но однажды ночью природная стихия расставила все по своим местам.

Еще с вечера собирались тучи – все небо заволкло свинцового цвета облаками, воздух загустел, порывы ветра поднимали в воздух облака пыли. Окна в доме были закрыты, но все равно Надю разбудил посреди ночи раскат грома. Она испуганно подскочила на постели и уставилась на полыхающее молниями окно. Какое-то время сердце скакало в груди, постепенно успокаиваясь, и тут в Надину голову закралась невозможная, возмутительная мысль. Несколько секунд она обдумывала ее, волнуясь все больше, а потом соскочила с кровати, боясь растерять решимость. Открыла шкаф, покопалась в вещах, нашла короткую сорочку на тонких бретелях. Поспешно скинула пижамные штаны, передела верх. И вышла из комнаты. Помедлила еще секунду, стараясь унять дрожь. А впрочем, зачем ее унимать? Дрожь ей сейчас толь-

ко на пользу. Два раза тихонько ударила в дверь соседней спальни и, не дожидаясь ответа, вошла.

Алексей сел на кровати, моргая невидящими в темноте глазами.

– Надя? – хрипло спросил он, когда молния полыхнула в окно и выхватила из мрака силуэт девушки. – Ты чего?

– Я... – дрожащим шепотом прошелестела она. – Я грозы боюсь!

Как хорошо, что ее волнение похоже на страх! И вообще, ничем от него не отличается ни по форме, ни по сути. Изображать чувства Надя не умела...

Алексей молчал несколько бесконечных секунд, а потом выдохнул:

– Ну иди сюда.

Надя на цыпочках приблизилась к его широкой кровати, а потом ошалело бросилась к нему в объятия. Алексей очень осторожно, как будто растерянно, укрыл ее своим тонким одеялом. Надя же обвила его шею руками и уткнулась в нее носом. Вот это было счастье! Она и не знала, что можно получить столько удовольствия от чьих-то объятий. Надя будто растворилась в этом ощущении, совсем потеряв чувство себя. Её не было, был только этот большой, сильный, теплый мужчина. Его запах – уже не такой терпкий, как тогда днем на чердаке, а более тонкий, мягкий, но не менее волнующий. Его бережные руки, его твердый мускулистый корпус, его постель, тоже пахнувшая им. У Нади отчаянно кружилась

голова от всех этих ощущений, и некоторое время она приходила в себя. Когда же пришла, то услышала у самого уха дыхание Алексея – частое, взволнованное – и такое же сердцебиение, столь близко и громко отбивающее ритм, что его можно было перепутать со своим.

Что он боится грозы, Надя бы ни за что не поверила. Значит, он взволнован. Взволнован ее близостью, их объятиями, этой темнотой и интимностью. Может быть, всё-таки она ему немножко нравится? Как женщина... Надя отклонила голову и заглянула в блестящие в темноте глаза. Красивые, мужественные, такие дорогие ей глаза... Зажмурилась и поцеловала мужа в губы. Почувствовала сладковатый привкус мятной зубной пасты, прикосновение колючей щетины, слабый ответ его дрожащих губ... Но в следующее мгновение сильные большие руки схватили ее за плечи и оторвали от него.

– Надя, ты что? – ахнул Алексей. – Что... ты делаешь?..

– Я... люблю тебя, – прошептала она, задыхаясь от того, что внезапные слезы перехватили горло.

– Ты – что?!

Повторить она не смогла: дыхание пресеклось окончательно. Алексей тяжело вздохнул и покачал головой. Сел на кровати и ее приподнял:

– Ну что ты придумала, глупенькая девочка? – непривычно ласково пробормотал он.

А Надя вдруг разозлилась: не любишь – не люби, зачем издеваться?

– Я не глупенькая и не ребенок! – гневно возразила она.

– Ну конечно, ты просто сама взрослость и рассудительность! Надюш, у нас с тобой 12 лет разницы, я почти в отцы тебе гожусь, ну какая любовь?

– Что за глупости? Это совсем не такая большая разница...

– Малыш, у тебя просто очень мало опыта, поэтому ты так думаешь... Черт, я совсем не умею разговаривать о таких вещах... Не обижайся, но мы не можем... Ты еще ребенок, хоть по документам и совершеннолетняя..!

Он потом еще что-то говорил ей. Утешал, убеждал, объяснял. Но она почти не слушала. Всхлипывала, вытирала слезы, прятала глаза. И думала только об одном: поскорей бы прошел этот год!

Глава 5. Двоюродная сестра

Алексей проводил ее до кровати. Уложил, укрыл одеялом, вернулся к себе. Лег и часа два пролежал без сна. Вот это она его удивила! И как он сразу об этом не подумал? Но вот честно, даже в голову не пришло...

Алексей очень сильно удивился, увидев, с каким рвением Надя взялась за домашнее хозяйство. Судя по дворцу Енисеевых, он был уверен, что она швабру-то никогда в жизни руках не держала, но выходит, что Владимир Александрович сумел дочь воспитать деятельной натурой. Или мама – она ведь не так давно умерла, успела руку приложить. В общем, Надя оказалась на удивление трудолюбивой, приветливой, доброй. Мать Алексея полюбила ее, как родную, и даже больше. Так нахваливала сыну, что еще немного – и молиться на нее начнет. Уж до чего девушка хорошая...

Алексей не спорил, радовался, что Надя прижилась. Он с самого начала их фиктивного брака положил себе смотреть на нее как на дочь, и это у него прекрасно получалось. Не замечал в ней решительно никаких признаков – а они наверняка были, уж наверняка! Не в один же день она вообразила себя влюбленной! Но он не видел. Вот что значит толстокожесть, бесчувственность... Мать его раньше, бывало, за это корила. Холодность Алексея, однако, имела островной характер: например, он не замечал на себе дурного глаза –

завистников, злопыхателей и тому подобное. Ко всем окружающим относился с одинаковым доверием и дружелюбием. Пока не грянет гром. А потом удивлялся, как это он раньше не замечал?

То же касалось нежных чувств. Мог до последнего игнорировать сигналы симпатии от женщины, пока она явно к нему на шею не бросится, а после порой даже чувствовал себя обязанным ответить взаимностью – но это по молодости. Потом понял, что не должен. Что чьи-то безответные чувства – не его вина. Вот такие истории мать ставила ему в вину – в том смысле, что хотела поскорее обзавестись невесткой и внуками, а он все мимо смотрит. А Алексей не готов был жениться на любой, лишь бы детей могла родить. То есть, детей-то он хотел, но жить ради них с женщиной, которая ему не близка по духу, не стал бы. Не его это. Так вот и промотылялся до 33 лет. Порой он встречал женщин, которые могли бы его удовлетворить – по крайней мере, так казалось при ближайшем рассмотрении – но как правило, они бывали не свободны. И Алексей решил, что на все воля Божья. Если ему суждено прожить жизнь бобылем – так тому и быть, но размениваться на неподходящих женщин казалось ему низостью, как по отношению к женщинам, так и к себе.

Надя поразила его. Он так привык к мысли о своей опеке над ней, что сначала даже не понял, что это она делает. А тело среагировало. Давно он его не баловал физическим контактом с прекрасным полом. Много воли, конечно, не дал – как

только пришел в себя, сразу отстранился. И всё-таки на долю секунды почувствовал острое наслаждение, пронзившее тело от головы до кончиков пальцев. И стало страшно. Что больше не сможет смотреть на нее как на ребенка после этих объятий и поцелуя. Тем более, что на ребенка-то Надя, собственно, вовсе и не похожа. С телесной точки зрения, ее детство закончилось еще года два-три назад. Она очень стройная, но в ней уже нет подростковой худобы: бедра округлились, выделилась талия, грудь... про грудь лучше не думать. Он вдруг вспомнил, что в последнее время она часто красовалась на огороде в купальнике. Алексей старался особо не смотреть – даже в голову не приходило, что это все было... для него?!

Да, вот это задачку ему подкинул полковник Енисеев, ну спасибо ему...

Однако худшие опасения Родина не оправдались. Уже на следующий день после их ночного недоразумения Надя очень старательно делала вид, что ничего не произошло. Конечно, на него не смотрела и не заговаривала, но в остальном – вела себя безупречно. Алексей почувствовал невольную гордость за нее. Умничка. Жаль, что он расстроил ее, но ведь у него не было выбора.

Примерно через неделю, в течение которой Надя становилась все спокойнее и непринужденнее, их посетила двоюродная сестра Алексея Галя. Необыкновенная это была женщина. Одинокая – ну, то есть, без мужа. Ребенок имеется.

Максимка. 8 лет. Активная, энергичная. Строит в Мульте базу отдыха. Сама. Продала квартиру в Барнауле и все деньги вложила в свой супер-проект для туристов. Алексею эта затея казалась сомнительной: ну кому нужен отдых в Мульте? Они в тех местах только по дороге на озера оказываются, а значит, с палаткой и спальниками – зачем им тратить деньги на постоя в гостинице? Да и туристов-то немного, если с Чемалом сравнивать. Но Галя верила в свою счастливую звезду, а двоюродный брат не лез с советами: она взрослая девочка, сама разберется.

Галю тоже пришлось посвятить в особенности их фиктивно-супружеских отношений: все-таки родня. Наде она сразу понравилась – ей, вообще, почти все подряд нравились (просто характер такой дружелюбный), а тут особый случай. Кузина тоже была приветливой и общительной, любила поболтать, да и слушать умела. В итоге они проболтали до позднего вечера, и пришлось потом Галю с сыном везти домой на машине. Надя увязалась с ними. На обратном пути села на заднее сиденье, уставилась в окно. Алексей спорить не стал, хоть это и было ему неприятно: разве он чем-нибудь заслужил ее отчуждение? Только по совести ведь поступил – и все. Он долго терпел ее молчание, но в конце концов не выдержал:

– Я смотрю, вы с Галей подружились...

Надя будто проснулась – вздрогнула, похлопала глазами (он видел ее в зеркало заднего обзора), ответила на удивле-

ние довольным голосом:

– Да, она очень интересная. Я, кажется, немножко изголодалась по такому общению... дружескому... с женщинами.

Алексей вздохнул, вдруг почувствовав себя виноватым за то, что она живет у него в социальной изоляции.

– Вы только не подумайте, что это проблема какая-нибудь! – заверила его Надя. – Это ерунда, я скоро освоюсь – может, и подружусь с кем-то... Да и с Галей теперь можем общаться.

– Ты опять ко мне на вы обращаешься, – с непонятым самому себе волнением и недовольством отметил Алексей.

– Да, я подумала, что это уместнее... в свете того... – она запнулась и потупилась.

– Я бы не хотел, чтобы наши с тобой отношения испортились из-за этого. Я вижу, что ты разумный человек, и общаюсь с тобой на равных. И надеюсь, что ты меня понимаешь. Что не обижаешься... Ты меня понимаешь?

– Да. Я слишком маленькая, чтобы... претендовать на ваше внимание.

– Называй меня на ты, пожалуйста.

– Зачем?

– Мне так больше нравится. Я хочу быть тебе другом.

– Хорошо. Как скажешь.

Черт, почему он так злится на этот ее покорный, грустный тон? Ох уж эти женщины, как с ними сложно...

Сказать, что Галя понравилась Наде – это ничего не сказать. Необыкновенная женщина, и сын у нее замечательный. Развита не по годам, так забавно выражается... Они обменялись телефонами, договорились почаще встречаться, Галя пригласила Надю к себе в Мультиу.

После этого неожиданного и приятного знакомства она будто очнулась от своего забытья, в которое погрузилась из-за расставания с родными людьми и местами. Почувствовала желание общаться, расширять круг. Решила, что пора выйти из заточения и попросила у мужа разрешения сходить на речку, но он вдруг выразил недовольство:

– Что там делать? Купаться тебе нельзя, – строго сказал он Наде. – Вода слишком холодная.

Она тоже рассердилась в ответ: какое право он имеет решать за нее, что ей можно и что нельзя?

– Да она и не будет купаться, – возразила баба Зина, – просто позагорает, с девчонками пообщается...

– И загорать ей тоже ни к чему. Вон какая кожа белая – вмиг обгорит. – При этих словах он вдруг покраснел и недовольно уставился в тарелку, сузив глаза и поджав губы.

– Намажем ее кремом, – продолжала спорить его мама, – кофту наденем, шляпу... Да ладно тебе, сынок, пусть сходит погулять – девочка одичала уже от нашего огорода!

Алексей в ответ буркнул что-то неразборчивое, а после завтрака увел Надю на задний двор, заговорил тихим, непривычно ласковым голосом:

– Не расстраивайся, пожалуйста, я... мне не жалко, чтоб ты гуляла, общалась с молодежью, просто эти местные – они не подходящая для тебя компания, понимаешь?

– Почему ты считаешь, что можешь решать за меня, кто мне подходит? – холодно осведомилась Надя.

– Потому что... твой отец доверил тебя мне... чтобы я заботился, оберегал тебя.

– Я не понимаю, что такого ужасного может произойти со мной на речке?

– Главное, что я понимаю.

– И ты запрещаешь мне общаться?

– Я... не то чтобы запрещаю... но надеюсь на твое благоразумие. За это время, что ты живешь в моем доме, у меня сложилось о тебе очень положительное мнение. Надеюсь, ты и впредь меня не разочаруешь.

Надя почувствовала страшную досаду, злость и беспомощность: это почти подлость с его стороны – манипулировать ею таким безжалостным образом! Зная, как она к нему относится, как важно для нее его мнение о ней. И он не может стать ей настолько близким человеком, насколько ей хотелось бы, но и с другими общаться не дает! Да еще заставляет чувствовать себя виноватой за то, что у нее возникает такое желание. Тиран!

Надя, конечно, не пошла на речку, но затаила на Алексея обиду. Он же, чтобы сгладить свою строгость и понизить социальный вакуум, чуть не каждые выходные принялся во-

зить ее к Гале. Иногда она и с ночевкой оставалась с субботы на воскресенье.

Надя восхищалась золовкой, главным образом, из-за энергичного характера, так не похожего на ее собственный. Галя бойко ругалась со строителями, работавшими на строительстве ее гостевого дома. Порой даже матом. Надю это приводило одновременно в замешательство и восторг: сама она физически не могла выговорить эти слова. Язык не поворачивался. Но в общении с простым людом, как оказалось, они намного эффективнее, чем обычные культурные выражения.

– Это еще что... – отмахивалась Галя. – Ты бы послушала, как я с соседями ругаюсь – вот это настоящий цирк шапито.

– А из-за чего вы ругаетесь?

– Да из-за канала их дурацкого, для полива огородов. Он по краю моего участка проходил, потом труба лопнула, и вся эта вода из реки потекла по моему огороду веером. Все грядки мне затопила, зараза. Я разозлилась и канал закопала. А они такую бучу устроили – мама дорогая! Чини, говорят, теперь все обратно. Фиг им! – она выразительно потрясла худым кулачком. – Думают, раз у меня мужика нет, значит, я постоять за себя не смогу... Щас! Они меня плохо знают!

– А почему они сами его не починят? Знают ведь, что ты одна, что тебе трудно самой...

– А я запретила им делать канал на том же месте. Меня не устраивает, что он проходит по краю моего участка и с

ним происходят какие-то проблемы. Сама я им не пользуюсь. Сказала: сделаете – опять закопаю!

– А они что?

– Пришли ко мне с вилами и топорами.

Надя прикрыла рот ладошкой:

– Серьезно?! Убивать?!

Галя нервно фыркнула:

– Ну ты скажешь! Не дураки же всё-таки. Канал копать.

Ну и так, для устрашения.

– А ты?

– А я послала их к чертям собачьим.

– Ушли?

– Как же! Ну, некоторые ушли, а вот мой соседушка распрекрасный, чтоб его черти взяли, ещё полчаса слюной брызгал. Потому что теперь тот поток по его огороду веером проходит, – и она очень весело, радостно расхохоталась.

– Нехорошо как-то получается, – пробормотала Надя.

– А я причем? Не я этот канал выкопала.

– Ну может, хоть временно пусть его сделают, чтоб от соседа отвести...

– Милая моя, ты не знаешь этих людей. Положи им только палец в рот – и они тебе на шею сядут. А на меня, где сядешь, там и слезешь – вот и весь разговор. Только так и можно выжить.

Тут Надя спорить не стала: она не имела ни малейшего понятия, как женщина может выжить в одиночку.

Глава 6. Сосед

Постепенно Надя забывала свои обиды на мужа за его холодность к ней. Наверное, он прав, она должна относиться к нему как к отцу – именно такие наставления ей давал ее собственный папа. Чем больше времени проходило, тем спокойнее она становилась. Однажды в начале июля достала скрипку. До этого не хотелось: слишком уж музыкальный инструмент напоминал о родителях и вызывал острые приступы печали. А теперь стало легче. Надо играть, а то совсем навык потеряет.

Надя немного потренировалась, а вечером устроила маленький семейный концерт – всего на пару коротких произведений. Бабушка и дедушка смотрели на музыкантшу с гордостью и умиленными улыбками. Вряд ли получали удовольствие от самой музыки, но радость испытывали огромную. А вот Алексей глядел на Надю и ее скрипку очень внимательно, не отрываясь, и как будто взволнованно.

– Я думаю, тебе надо развивать свой талант, – сказал он по окончании концерта. – Это просто преступление – зарывать его в землю. Я вижу, что потрачено очень много времени и усилий.

– Разве здесь есть учителя?

– Я узнаю, но, наверное, можно заниматься с репетитором и по интернету...

Однако так далеко ходить не пришлось. Совсем немного поспрашивав знакомых, он нашел учителя. Это был молодой человек лет 25, совсем недавно переехавший в Коксу и игравший, помимо скрипки еще на нескольких музыкальных инструментах. Звали его Адриан – Надя не знала, настоящее это имя, данное ему родителями, или он придумал его сам, а спрашивать такое постеснялась.

Адриан с друзьями сколотили банду и играли нечто невообразимое на стыке рока, этно и классической музыки, роль которой исполняла как раз партия скрипки. Они записывали треки, снимали видео среди живописных пейзажей Алтая, загружали их на Ютуб и, по словам Адриана, неплохо на этом зарабатывали. Были у них и еще какие-то доходы, но подробно он не рассказывал.

Адриан окончил музыкальное училище по классу скрипки, поэтому мог предоставить Наде вполне профессиональные педагогические услуги. Ей очень нравилось с ним заниматься: он был, насколько она могла судить, начитанным, умным, талантливым человеком, к тому же веселым и общительным. Уроки проходили в основном в ее комнате, в то время как Алексей был занят на чердаке или во дворе, но однажды он поймал Надю после того, как она уже попрощалась с репетитором по музыке и строго спросил:

- Он тебе во время занятий зубы не заговаривает?
- В каком смысле? – удивилась она.
- В смысле, что я ему 500 рублей в час плачу – по местным

меркам, просто фантастические деньги – а из твоей комнаты чаще смех слышно, чем музыку.

Надя смутилась: она не знала стоимость этих занятий и вообще не привыкла думать о таких вещах. А общение с Адрианом действительно проходило очень непринужденно, хотя ей казалось, что они достаточно внимания уделяют музыке. Но, возможно, недостаточно. Расстраивать Алексея она не хотела и пообещала быть с репетитором построже, а отвлекаться поменьше.

Странные, непонятные чувства испытывал Родин к своей подопечной. Взять хоть вот этого репетитора по музыке – он вызывал в Алексее безотчетную неприязнь, непонятно почему. Нормальный, вроде, парень, взрослый, говорит разумно, выражается ясно и дружелюбно, но чем-то все равно напрягает. За деньги Родин, на самом деле, не переживал. Во-первых, это были деньги Енисеева (он настаивал, чтобы все расходы на образование его дочери производились из той суммы, что он выдал перед их отъездом на Алтай). Во-вторых, скрипичную музыку Алексей тоже слышал через окно или дверь (специально приходил в дом послушать, чем они занимаются), и регулярно. Но все-таки заводился, внимая веселому голосу 25-летнего музыканта, что-то взхлеб рассказывающему 21-летней девушке, вверенной его попечению. Алексей, конечно, себя уверял, что это просто беспокойство за нее: как бы она, такая юная и наивная, не влюбилась бы в

этого представителя современной богемы. Да, в этом все дело: люди искусства – они... ненадежные. Все у них по вдохновению, все на чувствах... А она еще ребенок и впитывает, как губка. Хорошее и плохое. Хорошего, конечно, больше – это уже ясно, но надо держать ухо востро, в этом-то и состоит его задача.

И он держал. Прислушивался, присматривался. Всякий раз отслеживал прибытие и удаление репетитора, пожимал его тонкую бледную лапку, заглядывал внушительно в глаза. Адриан (ну и имечко!) отвечал непринужденной улыбкой. Не замечал строгих зрительных внушений. Или делал вид. Да, этот парень непрост. Хорошо бы найти Наде другого учителя музыки...

Какая это, однако, оказалась морока – быть опекуном юной девушки! Прав Грибоедов, восклицая устами своего героя Фамусова: "Что за комиссия, Создатель, быть взрослой дочери отцом!" А если она еще и хороша собой, то задача становится архисложной. Всякая мужская особь в возрасте от 15 до 45 смотрит на нее с таким хищным выражением, что у Алексея непроизвольно сжимаются кулаки. Он кончил тем, что решил пока не выпускать ее одну из дома. Только с ним или с родителями. Конечно, скоро начнется сессия, и ему придется пересматривать этот принцип... или ехать с ней в Новосибирск и жить там целый месяц??? Она наверняка возмутится. А может, он и впрямь пергибает палку со своей опекой, и надо дать ей немного свободы? Как же все

это сложно...

К середине июля отец оброс своей седой шевелюрой, и Надя сообщила ему об этом с улыбкой как-то поутру. Он усмехнулся, взъерошил шевелюру, посмотрел вопросительно на сына. Мол, как ты считаешь?

– Сходи, постригись, – кивнул тот.

– Я сама могу его постричь, – предложила Надя. – Меня мама научила: когда они с отцом мотались по военным городкам, ей много чего пришлось освоить.

Сколько же сюрпризов в этой девочке! Алексей посмотрел на нее с невольным уважением, улыбнулся:

– Ну что, отец, отдашь себя в руки начинающего стилиста? Не бойся, судя по тому, как Надя играет на скрипке, руками она владеет прекрасно.

Тут пришел ее черед краснеть. Однако Иван Леонидович все же доверился ее парикмахерскому искусству, решив, видимо, что в случае чего просто побреется машинкой. Надя стригла его долго и старательно, попутно ругая сама себя, разочарованно вздыхая и покачивая головой, но в целом результат вышел неплохой. Нечто вроде тенниса – довольно аккуратно и презентабельно. Алексей отчего-то не мог оторваться от созерцания этого действия. То ходил вокруг них кругами, то присаживался на диван и пристально наблюдал за манипуляциями Надиных рук. Они были такими тонкими, изящными, а их движения – плавными и осторожными. Личико девушки выражало крайнюю степень сосредоточен-

ности, она хмурилась и закусывала губу, но оставалась при этом необыкновенно хорошенькой.

– Теперь твоя очередь? – спросила она у Алексея, подметая вокруг стула остатки коротких черных волос.

У него в груди полыхнуло огнем от мысли о том, что Надя сейчас будет полчаса подряд прикасаться к его волосам: гладить, чесать, щекотать – и он покачал головой:

– Нет-нет, я, пожалуй, пока так похожу.

Слишком свежи были еще воспоминания об их ночных объятиях в постели. Он ведь не железный, обычный человек.

– Не понравилось? – спросила Надя, стараясь скрыть разочарование в голосе, но оно ясно слышалось.

Черт! Расстроил девчонку. Алексей уже начинал чувствовать усталость от этого нескончаемого движения по минному полю. Но деваться некуда:

– Понравилось! – искренне ответил он. – Ты отлично стрижешь...

– Тогда в чем дело?

– Я решил немного отрастить волосы.

– Врешь.

– Ты не должна мне так говорить, – он постарался сделать тон не назидательным, а мягким, даже ласковым. – Я ведь много лет коротко стригся. Профессия обязывала. А теперь можно немного расслабиться.

– Как хочешь, – нарочито равнодушно пожала плечами Надя, но было ясно, что она расстроена.

Лев включил алюминиевый чайник в розетку и выглянул в окно. Вот она, соседская красотка, как всегда, в непотребном виде занимается своими глупостями посреди огорода.

За окном Галя, в велосипедках и коротком топе, выполняла "Сурью Намаскар". Лев даже название это знал. Потому что сам когда-то занимался. Но это было в прошлой жизни, где находилось место для всякой ерунды, не относящейся к реальному миру. Помимо них, там была жена Татьяна и дочь Лада, с которыми они вместе переехали в сказочное "Беловодье", чтобы строить новый мир внутри себя. Сливаться с природой, заряжаться ее силой.

Здесь Лев постепенно понял, что природа – вовсе не нежная мамочка, которая только ласкает и оберегает. Это скорее мачеха, что заставляет трудиться, не покладая рук, просто чтобы выжить. И с ней тоже нужно быть суровым. Справедливым, но не мямлей. Иначе не выживешь. Пришлось столкнуться с реальностью. С нехваткой дров в холодную зиму, со скудным урожаем из-за резкого климата, с низкими зарплатами и высокими ценами на привычные продукты в магазинах.

Лев стиснул зубы, грыз ими реальность, учился справляться с трудностями. Постепенно с него слетели, как шелуха, детские мечты о пермакультуре, вегетарианство, пустые философские умоблуждания, которым место, наверное, только в Индии, где среднегодовая температура +30 и

можно жить на тарелке риса в день.

Но он научился. Понял, о чем говорили ему соседские мужики, нашел с ними общий язык, влился в общество. Старовером, конечно, не стал, но превратился в нормального мужика, обычного работягу. Купил трактор, держал курей и козу. И вот этого супруга не вынесла. Она заявила, что вышла замуж за другого человека, а этот мужлан ей чужой. Подхватила 10-летнюю дочь и умотала к родителям в Калугу. Где центральное отопление, где зимой есть персики и йогурт без сахара в супермаркете. Намного дешевле. И потому можно всю оставшуюся жизнь ни о чем не беспокоиться и трещать с возвышенными друзьями о божественной любви, попивая травяные чаи и уминая сыроедческие тортики из блендера.

А Льву не захотелось назад. Неинтересно стало трещать. Это было бы лицемерием после того, как он познакомился с реальным миром. Так и остался он один в этом суровом краю. Деньги супруге отправлял регулярно, сколько мог. Только самое необходимое оставлял себе. На еду, теплую одежду. И жизнь шла своим чередом. Спокойная и простая, как кирзовый сапог. Пока не появилась эта наглая, самодовольная, глупая курица, вообразившая себя туристическим магнатом.

Ну, терпеть ее экзерсисы по утрам, когда он выходил кормить скотину, еще худо-бедно можно было – благо, фигура у нее хорошая, и всё-таки она одета, пусть и не очень цело-

мудренно. Ее придирки и советы о том, как вести хозяйство и что делать с животными, чтобы у нее на участке не воняло, он просто игнорировал. Представлял вместо ее крикливого голоса писк комара. Противно, но не смертельно.

Но история с закопанным каналом напрочь вывела его из себя. Всю морковь и свеклу извела, дрянь. Из чего он теперь всю зиму борщ варить будет? И главное, ради чего? Можно было просто прийти и попросить устранить проблему? Да он без слов все расчистил бы и наладил так, что она б забыла об этом канале навсегда. Нет же, дурная баба схватила лопату и побежала все закапывать. Идиотка. Она сама. Феминистка, блин, доморощенная. Ну давай-давай, феминистка, посмотрим, как ты попрешь против местного сообщества.

И не таких из района выживали. Народ в Уймонской долине на редкость сплоченный, особенно что касается неприязни к приезжим. Не в том смысле, что любого чужака не принимают, но встречают тут не по одежке. Не по умению колотить понты и бить себя кулаком в грудь, а по уму-разуму, по отношению к природе и местному обществу. Если хочешь здесь жить – веди себя прилично. Голым по участку не разгуливай, особенно если высокого забора нет. Трудись, не лезь к другим с нравоучениями. Следи за собой. И уж конечно, никого не обижай. Словом, в чужой монастырь со своим уставом не ходят.

А глупая баба продолжает упираться, хотя ее уже предупредили. Даже зубы показали, но она уверена, что кто-то

ей поможет. Местные власти? Ха-ха! Найдите хоть одного здешнего, у кого нет связи с властями! Да при таком количестве населения они тут все родственники не дальше третьего колена. А не родственники, так кумовья. Или она на себя рассчитывает? Еще глупее. Ну что может такая шмокодявка противопоставить целой улице суровых сибирских мужиков?

Лев недовольно крикнул и вышел из домика. Надо поговорить. Еще раз попробовать образумить.

– Здорово, – буркнул он, подойдя к забору между их участками и равнодушно глядя на поджарый, обтянутый велосипедками женский зад, смело торчащий в небо из позы собаки с опущенной головой.

Галины икры дрогнули, все тело подскочило, и она чуть не повалилась всей массой на голову.

– Фуу, напугал! – воскликнула женщина, упав наконец пятой точкой на гимнастический коврик и хватаясь за сердце. – Чего тебе? Опять за свой огород пришел топить? Фиг тебе. Перекапывай канал на другую сторону улицы.

Лев усмехнулся:

– Да ты в своем уме, овца? Ты представляешь, сколько сотен метров траншеи придется перекопать? Я же не могу ее через дорогу перекинуть, надо ее тогда от самого начала переделывать...

– Положи трубу.

– Ну да, ага, давно ли ты трубы в нашу дорогу вкапывала?

– А я причем?

– Ты думаешь, я об огороде своем беспокоюсь? Да ему давно кранты, мертвому дождь не страшен.

Галя поморщилась на его матерное выражение:

– А о ком ты печешься? Обо мне, что ли? – она недоверчиво фыркнула. – Тебе-то какая разница? Зарежут овцу – тебе же спокойнее будет.

– Ты че несешь-то? Кто тебя зарежет?

– Ну, собак натравят, баню сожгут, какая разница?

– Тебе-то это зачем, я никак не пойму. Что за тупое упрямство?

– Овечье. У тебя все или ты еще хотел что-то сказать?

Блин, ну что за дура... Уму не постижимо.

– Ты не сможешь здесь жить, а тем более бизнесом заниматься. И это пустые бредни – вот эта твоя независимость и самостоятельность. Хочешь ни от кого и ни от чего не зависеть – переселяйся в открытый космос. Где людей нет. А живешь в деревне – будь добра соблюдать не только свои интересы, но и интересы общества, иначе тебе кранты. И не говори потом, что тебя не предупреждали.

С этими словами Лев развернулся и пошел к себе в дом. Пора скотину кормить, а он тут тратит время на эту безмозглую курицу... Она визгливо крикнула вслед:

– Предупредил, спасибо! Может, тебе расписку написать?

– Заткнись, дура! – бросил он негромко, но четко. Бесила она его страшно.

Глава 7. На "Родниках Алтая"

В конце июля на "Родниках Алтая" Надя наконец познакомилась с друзьями Адриана, которые состояли в его рок-этно-банде. Интересные это были люди. Максим – крупный мужчина с бородкой и длинными волосами, собранными в хвост – играл на варгане и губной гармошке. Миша – полная противоположность Макса: худой, невысокий и лысый – очень шустро брэнчал на двенадцатиструнной гитаре. Лаура – довольно милая шатенка с короткими волосами и резковатым голосом – пела и играла на синтезаторе самые различные партии. И еще у них был ударник Демьян – крепкий коренастый рыжий парень с усами, бородой и веснушками.

Надя давно хотела с ними познакомиться, и Адриан приглашал ее на репетиции, но Алексей не пускал. Говорил, что она еще слишком молодая для такой компании. Надя возмущалась, спорила, обижалась. Но ее опекун оставался непреклонным.

– Твой отец... – заводил он свою любимую пластинку, но Надя его гневно перебивала:

– Я знаю. Просил тебя присмотреть за мной. Но мне кажется, что из охранника ты превратился в моего надзирателя и держишь меня здесь, как в тюрьме. Ты не доверяешь мне...

– Не тебе, а этим незнакомым, чужим людям.

– Ты думаешь, они могут сделать мне что-то плохое?

– Запросто. И это вовсе не обязательно должно выглядеть как нападение с ножом. Они могут запудрить тебе мозги, а потом... воспользоваться твоей наивностью.

– Ну я и говорю: ты мне не доверяешь.

– Надя, тебе 21, а мне 33, неужели ты всерьез думаешь, что я понимаю ситуацию хуже, чем ты?

– Вечно ты своим возрастом тыкаешь мне в лицо... – ворчала Надя, и на этом спор стихал.

Против такого аргумента не попрешь. Надя была не согласна с его мнением о том, что она не сможет постоять за себя и отличить добрые намерения от дурных, но как доказать это человеку, который абсолютно уверен в своей правоте, просто на том основании, что он старше и опытнее? Лучше перебдеть, чем недобдеть – таков девиз Родина в вопросах заботы о подрастающем поколении. Хотя самого его родители так строго не контролировали в юности – Надя это знала достоверно, из первых рук, и однажды указала мужу на несправедливость.

– Ну что ты сравниваешь! – воскликнул он. – Здоровенный лоб, которого здесь каждая собака знает, и девочка, которая жизнь видела только из окна папиного автомобиля.

– Тогда покажи мне ее!

– Кого?

– Жизнь. Покажи мне тех страшных зверей, которыми так меня пугаешь.

– Надя, не говори глупости. Звери показывают зубы, толь-

ко когда чувствуют себя безнаказанными.

В общем, пробить броню его железных аргументов не представлялось возможным. И Надя сдалась. Но на "Родниках Алтая" пришел ее звездный час. Она летала по площади и павильонам, как на крыльях. Алексей всюду следовал за ней, как цепной пес, но иногда ей все же удавалось оторваться от него. Например, однажды Родина задержал разговором какой-то знакомый грузный мужчина. Надя быстренько смоталась из поля зрения своего опекуна и побежала искать Адриана. Вокруг огромная толпа людей – русских и алтайцев. Они так улыбались, так сверлили ее взглядами, что Наде порой даже становилось не по себе. Но ничего страшного – это просто взгляды и просто улыбки. Она их не боялась. Надя стояла у сцены, где уже вовсю шел концерт местных коллективов, и тут заметила, что к ней направляется какой-то незнакомый парень – очевидно, чтобы познакомиться. Однако она не успела разволноваться – наперерез молодому человеку, чуть ли не расталкивая людей локтями, топал ее любезный супруг. У Родина разве что пар не шел из ноздрей.

– Ты куда ушла?! Почему ничего не сказала?! – набросился он на Надю. – Почему я должен искать тебя по всей территории?

– Алексей, пожалуйста, не сходи с ума! – взмолилась она. – Я просто немного прогулялась...

– Ты могла хотя бы предупредить, куда направляешься! И вообще, мы вместе сюда пришли – вот и давай ходить вме-

сте!

Алексей взял Надю за руку и потащил куда-то в сторону. У нее слезы на глаза навернулись. Что за несправедливость!

– Я всегда на городские праздники с подружками ходила, с 14 лет. Мне папа разрешал, – сказала она звенящим от расстройства голосом.

Алексей вдруг развернулся, увидел, что у нее глаза на мокром месте, нахмурился.

– Надя... честное слово, я не хочу тебя расстраивать! Но я... с ума схожу от беспокойства. Постоянно, целыми днями. Мне всюду чудится опасность, и я не знаю, как тебя от всего этого уберечь, кроме как заслонить своей спиной. Ты уж прости старого вояку...

Она шмыгнула носом, улыбнулась против воли:

– Прощу, если перестанешь себя старым называть.

Он хотел что-то ответить, но тут их окликнул знакомый голос:

– Ба! Да вот она наконец, моя ученица! А я тебя везде ищущу!

Надя оглянулась, увидела Адриана, улыбнулась. Алексей снова помрачнел, увидев, как учитель музыки тянет к ней руки. Родин даже не сразу отпустил ее ладошку – на секунду сжал ее сильнее, пришлось даже посмотреть на него вопросительно. Но объятия все же состоялись – неожиданно крепкие и долгие. Раньше Адриан ее никогда не обнимал, но сейчас это приветствие выглядело как нечто обычное для

них. Черт, Алексей, наверное, сердится, – подумала Надя. Ей этого не хотелось. Он, конечно, тиран и деспот, но ведь он так заботится о ней и хочет как лучше... И он самый близкий ей человек из всех, кто остался рядом. Она не хотела его расстраивать. Пришлось выбраться из Адриановых рук, когда Родин недовольно и недвусмысленно прокашлялся.

– Пойдем, я познакомлю тебя с народом! – радостно воскликнул музыкант и потянул Надю за руку. – Вы позволите ее похитить ненадолго? – спросил он у Алексея.

Надя была на 100% уверена, что он скажет нет, но Родин вдруг неуверенно пожал плечами:

– Только ненадолго!

– Всего каких-нибудь пятнадцать минут! – просиял Адриан. – Потом мы выступаем! Подходите к сцене!

Алексей кивнул. Бросил на Надю тревожный, умоляющий взгляд, и исчез из поля ее зрения.

Артисты спорили о каких-то своих артистических делах, но завидев Адриана с Надей, сразу перестали.

– Прошу любить и жаловать! – воскликнул он. – Это моя ученица, про которую я вам все уши прожужжал, очень талантливая скрипачка Надежда.

– Здорово! – буркнула единственная девушка в коллективе, не вынимая дымящую сигарету изо рта, и протянула руку. – Лаура.

– Очень приятно! – Надя с готовностью пожала ее сухую и крепкую ладошку.

Остальные тоже по очереди пожали ей руку, приветливо улыбаясь и не внушая ни малейших опасений. Зря Алёша так переживает... Надя заметила, что впервые мысленно назвала его ласковой формой имени, но подумать об этом толком у нее не было времени. Музыканты наперебой стали забрасывать Адриана вопросами и предложениями, связанными с выступлением, которое должно было вот-вот начаться, а Надя восхищенно слушала их, думая о том, как, наверное, это здорово – быть человеком творческой профессии. Ей нравилось делать что-то по дому, работать руками, помогать бабе Зине, интересно учиться в школе, осваивать разные науки, но творчество – это особый мир. Погружение в него будоражит фантазию и задевает очень тонкие струны души. Да, она бы совсем не отказалась попробовать стать человеком искусства.

Музыканты отправились на сцену, а Надя – в зрительный зал. Там ее сразу же нашел Родин.

– Ну что, познакомилась с народом? – спросил он напряженно.

– Да. Они классные и совсем нестрашные. Спасибо, что отпустил.

– Не хочу быть твоим надсмотрщиком. Хочу, чтобы ты была счастлива.

Эта фраза кольнула Надю в сердце. Ему было бы нетрудно сделать ее счастливой – достаточно просто обнять и поцеловать, хотя бы в щечку. Но это слишком. Она должна до-

вольствоваться прикосновением его руки. Ну и пусть. Лучше, чем ничего. Надя взяла Алёшу за руку, и он не отстранился. Алёша... хм.

Выступление банды Адриана очень понравилось, причем не только Наде. Родин тоже сдержанно похвалил музыку и вокал, а толпа – та долго и восхищенно рукоплескала. Скрипач спустился в зал с легким налетом звездной пыли на лице, подошел к Наде с Алексеем, странно покосился на их соединённые руки, возбужденно заговорил:

– Надь, я тут с народом поговорил! Они в восторге от идеи... короче, я приглашаю тебя на репетицию в качестве музыканта! Хочешь попробовать?

– Я?! – ахнула Надя. Она не ожидала, что ее смутная ми-молетная мысль обретет такие яркие очертания в тот же самый день. – Да разве я так хорошо играю?

– Мы подберем тебе партию попроще... и вообще, я в тебе уверен!

– А как же ты?

– Я давно хотел сменить инструмент, но скрипача у нас больше нет, а без скрипки изюминка пропадает...

Надя вопросительно посмотрела на своего мужа – он, конечно, был нахмурен. Тяжело вздохнул, попытался улыбнуться:

– Это ведь пока не контракт, просто прослушивание...

– Да, конечно! – с готовностью подхватил Адриан.

Надя несмело улыбнулась, хотя в груди у нее уже развора-

чивался большой и горячий комок радости. Как солнышко.

– Спасибо. Хорошо, я приду. Правда, я никогда не играла в коллективе...

Адриан махнул рукой:

– Все когда-то бывает в первый раз!

Родин почему-то вздрогнул от этих слов и попросил познакомить его с остальными членами банды. Но они, кажется, не внушили ему особых опасений.

Глава 8. Про эгоизм

Галя увидела их издалека – она как раз вешала белье на участке, и в предзакатных лучах сурового сибирского солнца узрела надвигающуюся беду. Опять они, с вилами и топорами. На нее. Одинокую и беззащитную. Ну посмотрим, кто кого. Дребезжащим голосом кликнула Максима, приказала забежать в дом. Сама заскочила, заперла дверь на все замки, задвижки и крючки, потом прошла по дому, захлопнула форточки. Схватила телефон, стала дрожащими пальцами набирать Родина. Полицию бесполезно – тут все свои, не поедут.

– Леш, спаси меня!

– Что опять случилось, Галь?

– Да эти пришли... поливальщики.

Родин непривычно для ее уха матерно выругался.

– Галюнь, твоя беда руками разводится. Плюнь ты на эту глупую гордость...

– Да не, Леш, они, по-моему, на этот раз серьезно. Убивать пришли.

Родин снова ругнулся, бросил в трубку:

– Еду, – и отключился.

Но ехать от Коксы до Мульты с полчаса, а эти разъяренные парни будут возле ее дома с минуты на минуту... Только она об этом подумала, как в дверь начали громко и грубо

колотить – скорее всего, ногами:

– А ну открывай, зараза!

– И не подумаю! – пискнула Галя. – Я ОМОН вызвала, будут через пять минут! Так что расходитесь поскорее!

– Вот дрянь! – воскликнул уже другой голос.

– Врет она все, какой еще ОМОН?! – пророкотал третий.

– Открывай, тебе говорят! Разговор есть! – опять вступил обладатель тяжелых ботинок.

– Не открою! Валите на хрен!

– Ты чё, я щас дверь вышибу! – взревел кто-то нечеловеческим голосом.

Галя сползла по стенке на пол, сжимая себя за плечи руками. Нельзя, нельзя сдаваться... Она победит. Она должна быть сильной...

– А ну, расступись, ребята! – заорал тем временем зверь.

Другие голоса принялись его успокаивать. Он ненадолго, подозрительно притих. А потом из спальни донесся звон разбитого стекла и опять тот самый рев. Галя ахнула, схватила чугунную сковородку с печи, шепнула сыну: "Не бойся, все будет хорошо!" – и двинулась на звук, выставив вперед свое первобытное оружие на вытянутых руках.

Пока она медленно, трясясь от страха, продвигалась в комнату, оттуда доносилось позвякивание, как будто злоумышленник разделяется с оставшимися осколками, но когда Галя осторожно выглянула в дверной проем, то увидела, что обезумевшего зверя, уже не слишком похожего на

человека, кто-то схватил сзади и дёрнул на себя с криком:

– Ты че творишь?! Совсем охр*нел?

Боже, это голос соседа... Галя чуть на пол не свалилась – так у нее дрогнули коленки. Лев очень быстро расправился с негодяем и сам влез в окно. На плече у него болталось ружье.

– Ну что, допрыгалась, стрекоза? – проскрежетал он со злостью. – Думаешь, это тело станет тебе окно стеклить? Дуря непроходимая...

Галя не смогла ему ничего ответить: от наплыва адреналина силы совсем оставили ее. Лев приказал ей сторожить окно и звать его в случае опасности, а сам пошел в прихожую. Галя слышала, как он щелкает замками и задвижками и надеялась, что он знает, что делает.

Люди на улице совсем разошлись: обсуждали, как брать дом штурмом, можно ли применить таран – но когда Лев открыл дверь, все разом замолчали.

– Хорош, мужики, расходимся, – сказал он голосом, полным ледяного спокойствия, и, наверное, продемонстрировал оружие.

– Иди на фиг, защитник! – крикнул кто-то ему в ответ. – Пока вопрос не решим, с места не сдвинемся!

– Я сам решу вопрос, – пообещал Лев. – Идите домой.

– Да где тебе одному с дурной бабой сладить! Не-не, давай ее суды, разговаривать будем!

Остальные одобрительно загалдели.

– Проспись сначала, а потом приходи разговоры разгова-

ривать! – громко сказал Лев, чтобы перекрычать гул.

– Че ты сказал?! – возмутился оскорбленный голос.

– Что слышал!

И дальше началась кутерьма из криков, ударов и прочих звуков борьбы. Галя выскочила из комнаты, стукнула пару голов сковородкой, стараясь не попасть по своему защитнику. А потом прозвучал выстрел. В воздух, конечно, точнее, в потолок, но обезумевшие мужики вдруг пришли в себя. Повставали на ноги, попятились.

– Вон отсюда! – осатанело закричал Лев, брызгая кровью из разбитой губы.

И налетчики в самом деле вышли вон. Даже дверь за собой прикрыли. Галя бросилась ко Льву, осмотрела окровавленный подбородок и расплывающийся на скуле пока красный синяк, проверила Максимку – он забился под стол. Ничего, переживет, большой уже. Главное не повторять.

Галя взяла в аптечке перекись водорода, ватные диски и аккуратно обработала разбитую губу. Сурово прищуренные серые глаза на загорелом лице при этом, казалось, пытались просверлить ее насквозь.

– Ну что, ты довольна? – спросил сосед, принимая у нее мешочек с замороженной цветной капустой и прикладывая его к скуле. – Теперь твоя феминистическая душенька удовлетворена?

Галя бы послала его, конечно, на три веселых буквы, но нужно было сначала поблагодарить. Однако на это надо на-

браться сил. Галя вытащила сына из-под стола, обняла, погладила по голове. Вроде, набралась. Буркнула:

– Спасибо.

– Да мне пофиг на твое спасибо, – бесцеремонно ответил Лев. – Дай людям канал откопать. Да что там дай, я уже сам готов его откопать, только бы этот идиотизм прекратить.

– Что?! – изумленно переспросила Галя. – После всего этого – сдать?!?

Лев саркастически усмехнулся:

– А ты думаешь, я за тебя умереть готов? Ну уж дудки. Ты, конечно, баба симпатичная – внешне. Характер, правда, дрянь, но мне наплевать. Я больше вписываться за тебя не собираюсь. Сама с ними разбирайся. Дура, черт тебя дерит, ну что за дура!

И он ушел. А Гале стало грустно. Чего грустить? Подумаешь, не одобрил ее стратегию какой-то солдафон! А в жизни только так можно, только зубами – это она твердо знала. Иначе на шею сядут. Но отчего же, черт побери, так грустно?

Через несколько минут после ухода Льва приехал Родин. Тоже ругал ее, на чем свет стоит. Посмотрел окно, опять поругал. Сговорились они все, что ли?

Леша сходил с фонариком на стройку, нашел там картонку подходящего размера, заколотил окно. На шум выбежал сосед, они вдвоем со смаком обсудили Галин идиотизм, не стесняясь в выражениях.

Наконец, все разошлись, она уложила Максима в постель,

да так и замерла, сидя на краешке его кровати.

– Мам, – пробормотал он обеспокоенно, – а почему все эти люди на тебя злятся?

– Кто, малыш?

– Ну все: дядя Лева, дядя Леша, другие мужики из деревни...

– Да потому что они эгоисты, пузырь. Нужно им чего-то, а я не делаю.

– А почему ты не делаешь?

– А почему я должна делать? Я им ничем не обязана...

– Значит, ты тоже эгоист?

Галя даже вздрогнула от такого предположения:

– Нельзя так маме говорить.

– Разве это плохое слово?

– Нет. Не совсем... но я... не эгоистка.

По крайней мере, она так привыкла думать...

– Тогда, может быть, ты сделаешь им то, что они просят?

– Тогда они потом опять придут за чем-нибудь.

– А дядя Лева тебя сегодня защищал?

– Ага.

– А почему?

Галя вдруг растерялась:

– Не знаю.

– Значит, он не эгоист?

– Выходит, что так...

– Может быть, ты тогда сделаешь то, что он просит? Чтобы

ХОТЬ КТО-ТО НА НАС НЕ ЗЛИЛСЯ...

Глава 9. Репетиция

Направляясь на свою первую репетицию в музыкальном коллективе, Надя очень сильно волновалась – так сильно, что даже попросила мужа её проводить, для уверенности. Он с радостью согласился. Она в который раз подумала о том, до чего же удивительный и необыкновенный он человек. Такой хороший, такой добрый, такой благородный. Как можно относиться к нему с безразличием, Надя не понимала – ее сердце частенько замирало и пропускало удары, когда она смотрела на своего мужа.

Ни минуты не сидел он днем без дела – все время что-то чинил, мастерил, строил, ремонтировал... а вечером он, в компании с отцом, еще и частенько упражнялся на турниках, установленных на том конце огорода. Надя стеснялась наблюдать за ним открыто и потому пряталась в кустах малины, изображая, будто ищет ягодки. Это было чудесное зрелище: стройный, спортивный, подтянутый мужчина, одетый только в шорты, подтягивался и выполнял различные эффектные трюки, демонстрируя недюжинную силу, красоту и здоровье. Надя искренне восхищалась им и смутно, тайно от самой себя, лелеяла в глубине души надежду на счастье. Просто надо подождать еще и немножко подрасти...

Студия у Адриановой банды располагалась в очень симпатичном домике из бруса – внутри тоже все было отделано

но деревом, за исключением самой комнаты, где проходили репетиции и запись. Тут все стены были обиты панелями приятного светло-персикового цвета, мягкими на ощупь. Эта комната была так заставлена аппаратурой и инструментами, что передвигаться по ней приходилось, высоко задирая ноги и переступая бесчисленные пучки проводов. Надя чувствовала себя героиней американского блокбастера, пытающейся ограбить национальный музей и для этого пролезающей сквозь сетку лазерных лучей.

Алексей не стал заходить в дом, но настойчиво попросил ее позвонить ему, как только репетиция закончится, чтобы он забрал ее домой.

– Я не хочу отрывать тебя от дел по сто раз на день! – возразила Надя, но ее муж слышать ничего не хотел.

Все участники группы приветливо поздоровались с ней, но потом их лица приняли одинаково сосредоточенное, почти хмурое выражение – каждый смотрел в свои нотные тетради, задавая друг другу короткие отрывистые вопросы, в которых оказалось на удивление мало знакомых Наде слов.

Оказалось, что песни записывают кусочками, проигрывая их по 10 раз подряд, неожиданно прерываясь и начиная все с начала. Ее это очень сильно сбивало с толку, особенно первое время, но остальные участники коллектива воспринимали это как нечто само собой разумеющееся. Когда Надя, еще в детстве, только начинала играть на скрипке, то подолгу – порой по несколько недель – разбирала композиции, и мно-

гие из тех учебных произведений набили ей оскомину до такой степени, что она до сих пор не могла их слушать. А тут получается, что так происходит с каждым треком – как же их потом регулярно играть на концертах, борясь с тошнотой? По наивности, Надя задала этот вопрос Адриану вслух, но в ответ получила лишь дружный смех его коллег и, отчаянно покраснев, прикусила язык.

Так же сильно ее мучило чувство вины, что почти каждый срыв записи кусочка композиции происходил из-за нее. Ей трудно было приспособиться к коллективу: вовремя вступить, поддерживать правильный ритм и прочие параметры... Она ужасно сокрушалась и многословно извинялась перед другими участниками банды, пока не заметила, что их это раздражает, после чего принялась страдать от собственного несовершенства молча.

В итоге, за 2-часовую репетицию они почти никуда не продвинулись, и Надя твердо решила, что ни за какие коврижки больше не согласится задерживать этих чудесных, неоправданно добрых к ней людей: уж очень разный у них уровень владения инструментами и умения подстраиваться под коллег. Однако, отложив репетицию до завтра, ребята никуда не отпустили Надю, а потребовали выпить с ними чаю. Она не стала долго ломаться, и все они шумной толпой отправились на кухню.

– Ну как тебе? – легонько ткнул Надю по дороге локтем в бок Адриан.

Она пожала плечами:

– Вы замечательно играете и поете, но я все порчу... Возможно, я бездарность или просто мне нужно вкалывать еще лет пять, чтобы дотянуть до вашего уровня...

– Глупости! – фыркнул молодой человек. – Ты скоро сориентируешься, дай себе немного времени. У тебя отличные задатки!

Другие члены банды тоже очень поддержали Надю, щедро расточая одобрительные слова и советы. Она же только краснела и таяла от признательности.

Они выпили чудесного травяного чая с печеньем "Курабье" и мятными пряниками, и Надя решила, что к следующей репетиции она обязана принести какой-нибудь домашней выпечки.

Примерно через час невероятно увлекательного чаепития, во время которого артисты рассказывали интересные истории из своей творческой жизни, Наде позвонил Алексей – голос у него был недовольный.

– Ты где? – спросил он строго.

– Все там же, – виновато пробормотала она, поспешно вылезая из-за стола и покидая кухню.

– Почему так долго? Сколько длится эта репетиция?

– Мы еще чаю выпили потом...

– Выходи, я тебя жду.

– Ты уже здесь?!

– Да.

Надя смущенно извинилась перед своими новыми друзьями, с трудом надела босоножки трясущимися руками и выбежала на улицу. Ее муж сидел за рулем и нетерпеливо постукивал пальцами по рулю.

– Я... беспокоился, – пробормотал он, явно сдерживаясь.

Надя молча опустила глаза, с новой силой заливаясь краской. Алексей внимательно посмотрел на нее и спросил уже мягче:

– Как репетиция?

– Хорошо, – кивнула она. – То есть, не очень. Они такие... добрые и снисходительные, а вот я... совсем не умею играть в коллективе. Все порчу, всех задерживаю...

– Может быть, это просто не твой формат? – с надеждой в голосе предположил Алёша.

Надя наконец подняла на него глаза и, как всегда, почувствовала, как гулко ударилось сердце о грудную клетку. Какой же он красивый и мужественный... Что за мука – жить с ним рядом и не иметь возможности даже прикоснуться! Очень хотелось потрогать мощные плечи, выпуклые бицепсы, большие и сильные кисти, переплести пальцы...

– Ты не хочешь, чтобы я играла в их коллективе? – спросила Надя, не отводя взгляда от губ своего опекуна.

Он вздохнул:

– Я ведь объяснял, что беспокоюсь за тебя... каждую минуту.

Ее сердце снова трепыхнулось: он постоянно думает о

ней!

– Ты не доверяешь этим людям?

– В том, что касается тебя, я боюсь доверять кому бы то ни было. К тому же, они такие взрослые...

– А я маленькая? – обиженно уточнила Надя.

– Ты не то чтобы маленькая... но характер, знания о жизни... – он замолчал, подбирая слова.

– Какие? – не выдержала она.

– Детские, – выдохнул Алексей. – Внутри ты очень маленькая девочка. Некоторые и в 15 бывают старше ментально.

Надя надулась: ну вот еще! Чего это она маленькая внутри?! Да разве они так много общались, чтобы он смог сделать такие выводы?

– С чего ты взял?

– Надюш, поверь, я повидал много людей и кое-что в них понимаю...

Это было ужасно обидно. Надя совсем расстроилась, буркнула:

– Поехали домой, – отвернулась к окну и больше не проронила ни слова.

Остановившись у своих ворот, Алексей отстегнул ремень безопасности и всем корпусом развернулся к девушке. Он видел, что она расстроена, и всем сердцем желал это исправить.

– Посмотри на меня, – попросил он.

Надя нехотя повернулась – глаза ее были красными, хотя слез на щеках не видно.

– Ты плачешь? – совсем разволновался Алексей. – Из-за репетиции? Наденька, я бы очень хотел, чтобы ты занималась любимым делом и тебя окружали приятные тебе люди, но пока такие серьезные шаги, как вступление в музыкальный коллектив, тебе делать рано. Ну сама подумай, я ведь не смогу отпустить тебя, например, на гастроли. И дело даже не в моем навязчивом беспокойстве, а в конкретных инструкциях твоего отца. Хочешь дружить с ними – дружи, но играть... не знаю...

– Нет, – покачала головой Надя, – не из-за репетиции. Я так соскучилась по папе... он не звонил тебе?

Алексей отрицательно покачал головой. Он и сам уже начал беспокоиться за полковника Енисеева... Не тратя время на раздумья, чтобы импульс не успел погаснуть, Алексей отстегнул Надин ремень безопасности и притянул ее к себе. Она с такой готовностью, так горячо и с таким облегчением прильнула к его плечу, так крепко обвила его шею руками, что он понял: давно надо было это сделать. Ну конечно, девочке одиноко. Она осталась совсем одна, без родных и близких, здесь совершенно некому ее обнять... Правда, от этих объятий Алексея что-то горячо, почти больно жгло в груди – и это что-то разгоралось все сильнее с каждой секундой, пока Надя оставалась в его руках. Секунду посопротив-

лявшись следующему импульсу, он все же повернул голову и поцеловал ее мягкие светлые волосы, невыносимо приятно пахнущие чем-то фруктовым, потом погладил их рукой и наконец в ужасе очнулся, ощутив, как огонь из груди плавно перетекает в живот. Быстро высвободился из Надиных рук, отстранился, принялся поправлять волосы, шарить в карманах шорт, заглядывать на полочку под магнитолой, изображая, будто что-то ищет. Его всего трясло – даже пальцы дрожали, и никак не получалось совладать с голосом. Алексей чувствовал, что если сейчас заговорит, то выдаст себя с головой. Наконец он догадался выпить немного воды из бутылки, что стояла в подставке между сидениями, и все равно хрипло сказал девушке:

– Беги домой, я сейчас...

Он так и не осмелился посмотреть ей в лицо – только когда хлопнула, закрываясь, дверца пассажирского сиденья, взглянул вслед удаляющейся тонкой девичьей фигурке в очень женственном сарафане до колен. Она была волшебной хороша, но это вовсе не повод сходить с ума и испытывать к ней подобные чувства...

Глава 10. Неожиданный поцелуй

Дня два Галя промучилась, размышляя о том, не прав ли часом ее 8-летний сын и не должна ли она сдаться, коль скоро сосед отнесся к ней по-человечески, несмотря на то, как она поступила с его огородом и чувством собственного достоинства. Хамила и посылала. А он все равно не бросил в беде. Пришел и защитил.

Помолившись Будде, Галя подхватила свежеиспеченный манник и отправилась к соседу. Осторожно постучала в дверь. Нет ответа. Постучала погромче. Тишина. Наконец, придя в некоторое раздражение (как же, сделала над собой ТАКОЕ усилие, мириться пришла, а он не открывает!), долбанула правой ногой по двери и тут же запрыгала на левой, пища от боли.

Однако манипуляции ее, наконец, были услышаны, и на пороге возник хозяин – неожиданно мокрый и в одних шортах. Галя никогда не видела его без майки и буквально оторопела: кажется, Лев состоял из одних жил и тонких, но выпуклых мышц. Будто под кожей у него все тело было обмотано стальными канатами, но выглядело это вовсе не жутко, а отчего-то безумно красиво – во всяком случае, привлекательно.

– С тебя картины можно писать, – пробормотала Галя и только потом подняла глаза на лицо соседа, которое отнюдь

не выражало никакой радости по поводу ее появления.

– Ты за этим пришла? – нахмурился он. – Чтобы комплименты мне говорить? И это не могло подождать и пяти минут, пока я... – он нервным жестом сдёрнул с плеча майку и быстро натянул ее на себя. – Короче, чего надо?

– Я тут... вот... – Галя протянула ему блюдо с манником и смущенно потупилась, как девочка.

Лев неожиданно усмехнулся, отошел с дороги и сделал приглашающий жест рукой:

– Ну заходи, раз пришла...

Галя еще ни разу не была у него, но примерно так все себе и представляла: холостяцкая берлога. Грубая мебель, безвкусная клеенка на столе и занавески на окнах. Древний, как мир, диван. Лев включил простой советский алюминиевый чайник в розетку и достал из буфета вазочку с вареньем.

– Чего случилось-то? – спросил он со снисходительной усмешкой. – Фаза луны сменилась и тебя перекосило в другую сторону?

Галя проигнорировала его иронию и заглянула за печку – в комнате тоже все аскетично, только на подоконнике стоит рамка с фотографией девочки лет 10.

– Родственница? – осторожно поинтересовалась Галя.

– Дочь, – уже без всякой приветливости буркнул Лев и задернул занавеску.

Галя присела на лавку, сцепила пальцы, закусила губу. Лев остался стоять и тоже долго молчал, ожидая, когда она заго-

ворит первой. Уже и чайник закипел, и хозяин заварил чай, насыпав сухую заварку прямо в кружки, а тишина становилась все гуще. Лев вздохнул и, покачав головой, разрезал манник.

– Что, кусаться и брыкаться, как бешеная корова, легче, чем по-человечески разговаривать, да?

Галя нахмурилась. Чего это она, в самом деле, теряется?

– Я тут подумала... – пробормотала она. – Может быть... я не знаю, может быть, можно как-то решить этот конфликт, никого не унижая...

Лев прыснул:

– Это ты про себя сейчас говоришь? Чтобы и волки были сыты, и никто не подумал, не дай бог, что твою тонкую феминистическую шейку можно оседлать и кататься по нужной траектории?

Галино тело невольно напряглось, она вжала голову в плечи и нахмурилась еще сильнее. Но нашлась довольно быстро:

– Знаешь, мне кажется, что ты не вопрос решить хочешь, а помериться со мной, кто круче и упрямее.

– А мне кажется, что ты слишком много о себе думаешь и по непонятной причине считаешь, что ты никому ничего не должна, а все вокруг тебе обязаны по гроб жизни. Сколько раз я к тебе приходил уладить все миром?

Галя нарочно разозлилась, чтобы больше не выслушивать эти нотации, и вскочила из-за стола.

– Значит, поздно? Так бы сразу и сказал! – и помчалась к

выходу, бросив: – Тарелку потом верни!

Но Лев поймал Галю на полушаге, схватил за талию, да так неловко, что получилось, будто он ее обнял и прижал к своему каменно-твердому торсу. У нее весь воздух мгновенно вылетел из легких, и голова отчаянно закружилась – то ли от удара о твердое тело, то ли от того, что ее давным-давно никто не обнимал... Галя положила ладошки на стальные плечи и подняла широко распахнутые глаза на лицо соседа-агрессора, но не успела и рта раскрыть, как его закрыли жесткие мужские губы. Остатки разума покинули Галю, и она обвила руками жилистую мужскую шею...

Надя пошла на следующую репетицию и даже взяла с собой собственноручно испеченный пирог с вишней, но играть отказалась и два с лишним часа просто с упоением слушала волшебный голос Лауры и восхитительную музыку, что играли все остальные.

– Ну чего ты придумываешь? – хмурился Адриан. – Ребята же тебе сказали, что все нормально, лиха беда начала...

– Если бы у нас с вами начало было вместе – тогда конечно, – мягко увещевала его Надя. – А я отстала лет на пять и не хочу вас задерживать. Да и с концертной деятельностью у меня беда.

– Родственник твой странный не пускает? – в голосе Адриана неожиданно прорезались презрительные нотки.

– Он мне не родственник! – поспешно заявила Надя, ис-

пытывая неприятное чувство оттого, что оправдывается перед молодым человеком.

– Тогда чего командует?

– Он... мой муж!

Адриан остолбенел.

– Ты серьезно? Вы с ним женаты? А почему ты никогда не говорила?

– Почему я должна всем об этом говорить?

– Ну не знаю, это как-то странно... У тебя даже кольца нет... и вы не похожи на семейную пару... разве что ревнует он жестко.

В Надиной груди полыхнул огонь.

– С чего ты взял?

– Да это видно невооруженным взглядом, что он любого расстрелять готов, кто только на тебя посмотрит. – Он немного помолчал, а потом со смехом добавил: – Ну теперь-то понятно, почему вы за руки держитесь, а то я все думал: странно, ты вроде слишком взрослая, чтоб тебя за ручку водить...

Надя в изумлении уставилась на свою правую ладонь, к которой Алёша и впрямь прикоснулся довольно часто, а потом подняла глаза на Адриана. Щеки ее горели. Она постаралась взять себя в руки и ответить как можно спокойнее:

– Алексей меня не ревнует, просто беспокоится. И да, мы не любим афишировать свои чувства... И я все равно не смогу с вами ездить на концерты... Но спасибо, что дал возмож-

ность попробовать – это был незабываемый опыт.

– Ладно, как знаешь, – пожал плечами Адриан, правдоподобно изобразив равнодушие.

Но зерно сомнения он в Наде заронил. Сев в машину рядом со своим опекуном, она внимательно, как бы испытующе посмотрела ему в глаза – он ответил ей спокойным, невозмутимым взглядом, даже улыбнулся:

– Ну что? Как все прошло?

– Хорошо, – пожал плечами Надя. – Я им все объяснила. Жаль, конечно, у меня вряд ли получится с ними дружить за отсутствием совместной деятельности, но что поделаешь...

Алексей удовлетворенно кивнул и завел мотор.

– Ты очень мудрая девушка, – сказал он мягко. – Все это будет, у тебя целая жизнь впереди.

– Ты рад, что я не буду общаться с друзьями Адриана, да?

Алексей только вздохнул в ответ.

– Они тебе не нравятся..?

– Почему они должны мне нравиться? Я всегда с опаской относился к творческим людям, представителям богемы...

Надя рассмеялась:

– Наверное, это издержки твоей профессии! Все, что не укладывается в стройную схему – расстрелять!

Алексей принужденно улыбнулся.

– А я? – спросила Надя. – Ко мне ты тоже относишься с опаской? Ведь и я творческий человек...

По лицу мужчины промелькнула тень, но ответил он, ко-

нечно, позитивно:

– Нет, к тебе без опаски. Ты совсем другое дело, для тебя особые условия.

Когда они припарковались у дома и уже щелкнули ремня-ми, Надя глубоко вдохнула для храбрости и, отчаянно краснея, спросила Алексея:

– Можно, я опять тебя обниму? Мне... очень не хватает этого...

Он не дослушал ее мятые оправдания – притянул к себе и обжег: спину горячими ладонями, а голову – дыханием. Надя в ответ обвила руками его шею и зажмурилась, чувствуя себя совершенно счастливой – прямо как вчера, когда он сделал это внезапно. Давно она не чувствовала себя так хорошо, такой цельной и пустой одновременно. Словно она распалась на атомы, перестала быть, растворилась во всепоглощающем ощущении радости и блаженства. Если бы Алёша еще и поцеловал ее, как вчера... но нет, лучше не надо, а то после этого он сразу оторвался от нее и похолодел. Пусть лучше подольше обнимает... Боже, какое наслаждение – чувствовать на себе его сильные, крепкие руки. Надя была согласна отказаться не то что от друзей Адриана, а вообще от всех на свете приятелей и знакомых, лишь бы Алёша обнимал ее вот так каждый день, а лучше не один раз...

Но все хорошее когда-нибудь заканчивается – и Надя знала, что теперь это нескоро повторится, ведь ему больше некуда ее возить.

Глава 11. Галины метания

В доме Надю ждал приятный сюрприз: Галя приехала вместе с сыном в гости. Они все дружно выпили чаю, обсудив стройку базы отдыха и Надины успехи в музыке, а потом гостя поспешно утащила юную приятельницу в огород.

– Помнишь, я рассказывала тебе эту историю с каналом? – заметно нервничая, спросила она.

Надя утвердительно кивнула.

– В общем, этот сосед, Лёва... он... короче, мы с ним поцеловались сегодня.

Надя округлила глаза, прикрыла рот рукой, а потом принялась прыгать от радости, хлопая в ладоши.

– Ну и чему ты радуешься? – нахмурилась Галя.

– Что у тебя личная жизнь налаживается...

– Да какая личная жизнь... ну какая жизнь с таким... би-рюком? Он же... типичный тиран, адепт патриархата и до-мостроя..!

Надя пожалала плечами: она искренне не понимала, в чем тут проблема. Алёша тоже не бог весть каких свободных взглядов, но разве это важно, когда чувствуешь себя с мужчиной, как за каменной стеной?

– И что тут страшного, если человек хороший?

– Откуда ты знаешь, что он хороший?

– Плохого ты бы не стала целовать.

– Да я... Это он меня поцеловал!

– А ты сказала, что поцелуй был обоюдным... А ты что, вырывалась и кричала?

– Да нет... – горестно вздохнула Галя. – Я его обняла...

– Ну вот, видишь...

– Да не в этом дело, Надь! Я просто... давно ни с кем не была, понимаешь?

– Значит, он тебе не нравится?

– Да... нет... я не знаю!

Надя непроизвольно хихикнула:

– А что ты сделала потом? Когда вы перестали целоваться...

– Убежала.

– Чего?!

И Алёша еще называет ее – Надю – маленькой девочкой! Вот! Мать 8-летнего ребенка, которая целуется, как школьница, а потом сбегает с места преступления!

– Мне нужно разобраться, как к этому относиться.

– Давай разберемся. Ты чего боишься и чего хочешь?

– Хочу быть свободной.

– Что это значит?

– Думать, как хочу, говорить, что думаю, делать то, что считаю нужным. Сама. Сама думать, сама говорить, сама делать.

– Женщина не может все делать сама – это ей не по силам.

– С чего ты взяла?

– Потому что вижу. Смотрю, как Алексей дом строит, все чинит, делает ремонт – и понимаю, что я бы так не смогла...

Галя немного отстранилась и с сомнением посмотрела на подругу.

– А ты, часом, в него не влюбилась, дорогуша?

– Как можно? – почти спокойно сказала Надя. – Он ведь друг моего отца...

– Ну и что? Леха наш молодой совсем, в самом соку парень, а ты, считай, взрослая девица. Раньше в 15-16 уже замуж выдавали, а ты... почти старая дева! – Галя засмеялась. – К тому же, Алёшка ребенок в душе. В солдатики всю жизнь играл и натура... благородная – такая только у мальчишек бывает...

Да, именно так Надя и чувствовала. Что он вот такой необыкновенный. Решительный и смелый, как взрослые, но с прекрасной душой, как дети.

– Мы ведь не про него вовсе говорили! – заметила она собеседнице. – Так что там твой Лева?

– Он не такой, – вздохнула Галя. – Сухой и жесткий, как старик.

– Но целоваться лезет, значит, не совсем зачерствел!

– Да откуда ты знаешь, совсем или не совсем? Может, ему служанка нужна. Бесплатная. Борщи варить и портки стирать! А я не нанималась!

Надя поморщилась:

– Ой, Галь, ну что ты такое говоришь! Это так... грубо.

– Милая моя, я побольше тебя на свете живу, и мужиков этих насквозь вижу!

Надя смущенно задала вопрос, который давно ее терзал, но баба Зина не смогла на него ответить, а к Алёше она обратиться постеснялась:

– А где... Максимкин папа?

– Да Бог его знает! Или черт... Бросил он нас, надоело ему семейную жизнь строить. Пес смердящий! Перекати-поле! Сел на свою тарахтелку и умчал в закат. Туда ему и дорога, Ироду!

– Давно это случилось?

– Максу 2 было. Почитай, 6 лет прошло.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.